

С Е Р И Я
Э К О Н О М И Ч Е С К А Я
Т Е О Р И Я

СТРАТЕГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

ВЛАДИМИР ПОПОВ

*Издательский дом
Высшей школы экономики*
МОСКВА, 2011

УДК 330.34
ББК 65.012.2
П58

Рукопись подготовлена при поддержке
Мирового общественного форума
«Диалог цивилизаций»

Составитель серии
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Дизайн серии
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Рецензент
профессор ГЕОРГИЙ ДЕРЛУГЬЯН
(Северо-Западный университет, г. Чикаго)

Попов, В. В.

П58 Стратегии экономического развития [Текст] / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. — 336 с. — (Экономическая теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-0817-6 (в пер.).

В 2007–2008 гг. экономический и социальный отдел ООН опубликовал серию работ, названных «Национальные стратегии развития». В них критически анализируются достижения и провалы развивающихся стран в соответствующих сферах экономической политики — макроэкономической, технологической и инвестиционной, внешнеторговой, социальной, в отношении госпредприятий и финансового сектора. Эти работы были подготовлены под руководством Кваме Сундарам Джомо — известного неортодоксального экономиста, лауреата премии Василия Леонтьева, ныне — помощника Генерального секретаря ООН по экономическому развитию.

В настоящей книге национальные стратегии развития рассматриваются в контексте российских экономических проблем. В какой мере экономические проблемы новой России схожи с проблемами других стран, вырабатывающих свои национальные стратегии развития? Какие уроки мы можем извлечь из ошибок и успехов стран, пытающихся вырваться из тисков отсталости, бедности, экономической нестабильности? Применимы ли к российским реалиям рекомендации ООН по выработке национальных стратегий развития?

Автор книги — Владимир Викторович Попов, заведующий отделом в Высшей школе международного бизнеса Академии народного хозяйства при Правительстве РФ, профессор Российской экономической школы.

УДК 330.34
ББК 65.012.2

ISBN 978-5-7598-0817-6

© Попов В.В., 2011

© Оформление. Издательский дом Высшей школы экономики, 2011

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА	10
ВВЕДЕНИЕ. ДИНАМИКА ПРОИЗВОДСТВА ПРИ ПЕРЕХОДЕ К РЫНКУ: ВЛИЯНИЕ ОБЪЕКТИВНЫХ УСЛОВИЙ, ИНСТИТУТОВ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ	12
I. ЦЕЛИ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ. ФИНАНСОВАЯ И МОНЕТАРНАЯ ПОЛИТИКА	56
II. МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ МАКРОЭКОНОМИ- ЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ — ВАЛЮТНЫЙ КУРС, ПЛАТЕЖНЫЙ БАЛАНС, ДВИЖЕНИЕ КАПИТАЛА, ВНЕШНИЙ ДОЛГ	100
III. ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА — ЭКСПОРТНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ И ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ	156
IV. ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА — ИНСТРУМЕНТЫ ПОДДЕРЖКИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ	173
V. РЕФОРМА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ	221
VI. ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ФИНАНСОВОГО СЕКТОРА	242
VII. СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА	270
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: СЕКРЕТ УСПЕХА	305
ЛИТЕРАТУРА	323

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мировой экономической кризис 2008–2009 гг., видимо, подводит черту как под послевоенным этапом эволюции теорий экономического развития, так и под эволюцией реальной экономической политики, призванной преодолеть отсталость развивающихся стран. И теории преодоления отсталости, и политика развития, похоже, проделали полный цикл изменений и как будто вернулись в исходную точку.

В первые три десятилетия после Второй мировой войны экономисты, вдохновленные примером быстрого догоняющего развития СССР, разрабатывали теории преодоления отсталости путем «большого толчка» — мобилизации сбережений для инвестирования в индустриализацию и модернизацию экономики. Внешняя помощь должна была обеспечить финансирование разрыва между ограниченными внутренними сбережениями и требующимися для осуществления прорыва инвестициями. А сами инвестиции должны были идти в создание отраслей, отсутствовавших прежде в национальных экономиках развивающихся стран — эта стратегия называлась импорт-замещением и была призвана преодолеть сырьевую специализацию «третьего мира», которая, как доказывали тогда либеральные экономисты, является «естественной» для Юга в рамках международного разделения труда. Однако после нескольких веков колониального господства Запада, которые привели только к увеличению разрыва в уровнях душевого ВВП между Западом и Югом, такие либеральные аргументы не имели широкой поддержки.

Казалось, в развивающихся странах, особенно в Латинской Америке и Африке, стратегия мобилизации сбережений и опоры на собственные силы в 50–60-е годы принесла ощутимые плоды: за счет внутренних сбережений и кредитов и помощи развитых стран там создавались новые отрасли промышленности, темпы экономического роста превышали западные, так что надежды на преодоление отсталости крепли. Однако, в конце концов, эта стратегия импортозамещения потерпела крах: созданные на западные кредиты и под протекционистской защитой новые отрасли промышленности оказались неконкурентоспособными на мировых рынках, так что, когда пришло время возвращать кредиты, разразился долговой кризис начала 1980-х.

Ответом на кризис стал печально знаменитый «вашингтонский консенсус»: аналитики заключили, что все беды развивающихся стран происходят из чрезмерного государственного вмешательства, ограничивающего конкуренцию и поощряющего создание нежизнеспособных отраслей, искусственно подпитываемых кредитами и помощью. Было рекомендовано провести экономическую либерализацию (дерегулиро-

вание) и макроэкономическую стабилизацию, сокращение госрасходов, приватизацию и открыть закрытые экономики для внешней конкуренции (устранить барьеры во внешней торговле и в международном движении капитала). Сначала, в 80-е годы, эта стратегия была опробована в Латинской Америке и Африке, более других пострадавших от мирового кризиса задолженности, затем, в 90-е годы, — в бывших соцстранах, которые в это время как раз переходили от плановой экономики к рыночной.

Результаты оказались еще более разрушительными, чем итоги политики импортозамещения. В Африке и Латинской Америке в 80-е годы рост прекратился, а в 90-е годы они едва поспевали за западными странами, совсем не сокращая разрыв с ними. Посткоммунистические же страны в 90-е годы пережили трансформационный спад, так что в Восточной Европе докризисный уровень производства конца 80-х восстановился только к 2000 г., а в республиках бывшего Советского Союза к 2010 г.

Между тем Восточная Азия без опоры на какие-либо экономические теории переживала бум — как в 50–60-е годы (Япония, Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг), так и в 70–80-е (Юго-Восточная Азия), и в последующие 80–90-е, а также в первое десятилетие XXI века (Китай). Возник разрыв между теоретическими моделями догоняющего развития (и структуралистскими, и либеральными) и экономической реальностью, которая в Восточной Азии не вписывалась ни в какие теории.

Либеральные экономисты (неоклассики) объясняли успех Восточной Азии прорыночными реформами — дерегулированием экономики, низкими налогами и относительно небольшим, но эффективным правительством, стремительным вовлечением в мировую торговлю. По их мнению, восточноазиатские «тигры» и «драконы» наконец-то показали всему миру, на что способна рыночная экономика со стабильной валютой, открытая внешнему миру и освобожденная от бюрократических пут.

Экономисты более левого толка — от кейнсианцев до дирижистов — говорили, что открытых дерегулированных экономик в мире более чем достаточно, от Аргентины до Зимбабве, однако большинство из них высокими темпами роста мир особенно не удивляли. Они указывали на либерализацию и открытие экономики в Китае в середине XIX века, после опиумных войн, в Африке и Латинской Америке в 80-е годы XX века, в бывшем соцлагере в 90-е годы (исключая Китай и Вьетнам — не правда ли, примечательные исключения?), после которых темпы роста упали, а не возросли. Наконец, они обращали внимание на сильную промышленную политику, проводившуюся практически во всех восточноазиатских странах: хотя госрасходы в этом регионе и вправду были относительно невелики, вмешательство бюрократии в хозяйственную жизнь здесь малым назвать было нельзя. Рынок, конечно, играл свою роль в распределении ресурсов, но только после утверждения стратегических направлений правительственными чиновниками.

В 1993 г. Всемирный банк опубликовал исследование «Восточноазиатское чудо: экономический рост и правительственная политика», в котором проанализировал факторы стремительного экономического роста в 1965–1990 гг. восьми восточноазиатских стран — Гонконга, Индонезии, Малайзии, Южной Кореи, Сингапура, Тайваня, Таиланда и Японии. Выводы оказались неоднозначными. Все экономисты признали в качестве составляющих успеха политику, направленную на создание стабильной макроэкономической среды (низкая инфляция), стимулирование сбережений и государственных вложений в образование и инфраструктуру, привлечение иностранных инвестиций, поддержку надежной банковской системы.

Но в том, что касается промышленной политики — создания особых преференций для развития отдельных отраслей обрабатывающей промышленности через тарифную защиту, госсубсидии, госзаказы, госкредиты и т. п., — в этом особого единства не наблюдалось. В лучшем случае можно было говорить о том, что Всемирный банк частично и нехотя признал «возможно» эффективной экспортноориентированную промышленную политику, благоприятствующую сильным конкурентоспособным отраслям, которые и так поднимаются вверх силами рынка. Иначе говоря, если правительство подталкивает структурную перестройку в том направлении, в котором она уже и так идет, то промышленная политика «может быть» полезной. Может быть, но не обязательно будет — не дано бюрократам знать лучше, чем рынку, какие отрасли в будущем будут преуспевать, а какие обречены на вымирание. И если они угадали один раз, это не значит, что они не будут ошибаться в последующие разы.

В общем, до сих пор нет согласия между экономистами по ключевому вопросу — какую политику должна проводить развивающаяся страна, чтобы быстрее догнать развитые страны. Такое «смятение умов» обычно характерно для периодов, предшествующих теоретическим прорывам. Возможно, мы сейчас стоим на пороге появления новых идей в области экономики развития.

Национальные стратегии развития, начавшие разрабатываться в последние несколько лет усилиями неортодоксальных экономистов, — очередная попытка критически осмыслить опыт неудач догоняющего развития в Латинской Америке, Африке, бывших социалистических странах и обобщить положительный опыт Восточной Азии. Похоже, сейчас происходит формирование новой концепции стадий развития, которая поможет объяснить успехи и провалы экономической политики в развивающемся мире в последние десятилетия и позволит выработать практические рекомендации по конструированию «экономических чудес». Надеюсь, что эта книга поможет в формировании этой концепции.

*К. С. Джомо, помощник Генерального секретаря ООН
по экономическому развитию*

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

В сентябре 2005 г. в Нью-Йорке во время сессии Генеральной Ассамблеи ООН состоялась Всемирная встреча на высшем уровне глав государств и правительств (или их представителей) 191 страны. Ее назвали «самым представительным форумом мировых лидеров в истории» и «появляющейся раз в поколение возможностью принять смелые решения в области развития, безопасности, прав человека и реформы самой ООН»¹. В итоговом документе встречи, в частности, предлагалось подготовить национальные стратегии развития (НСР) для реализации целей, провозглашенных в принятых в последние два десятилетия на саммитах и конференциях ООН документах.

В 2007–2008 гг. Департамент ООН по экономическим и социальным вопросам отдел опубликовал 7 работ², названных Policy Notes — аналитические записки, в свободном переводе. В них обобщается опыт развивающихся стран, накопленный соответственно в шести областях:

- макроэкономическая политика;
- технологическая и инвестиционная политика;
- внешнеторговая политика;
- реформирование госпредприятий;
- политика в отношении финансового сектора;
- социальная политика³.

В отличие от многих документов ООН эти аналитические записки не «консенсусные», закругленные и приглаженные тексты, но полемические авторские научные работы, написанные известными мировыми специалистами. В них критически анализируются достижения и провалы развивающихся стран в соответствующих сферах экономической по-

¹ The 2005 World Summit: An overview (PDF). United Nations website.

² Spiegel S. Macroeconomic and Growth Policy. Policy Note. UN DESA, 2007;
Ghosh J. Macroeconomic and Growth Policies. Background Note. UN DESA, 2007;
Khan M. H. Investment and Technology Policies. UN DESA, 2007;
Gibbs M. Trade Policy. UN DESA, 2007;
Chang Ha-Joon. State-owned Enterprise Reform. UN DESA, 2007;
Chandrasekhar C. P. Financial Policies. UN DESA, 2007;
Ortiz I. Social Policy UN DESA, 2007.

³ Эти работы на английском есть на сайте Департамента ООН по экономическим и социальным вопросам: <http://esa.un.org/techcoop/policyNotes.asp>

литики, обобщается мировой опыт, предлагаются рецепты решения неотложных проблем экономического и социального развития.

Эти работы были подготовлены под руководством Джомо Кваме Сундарам — известного малазийского экономиста, ныне — помощника Генерального секретаря ООН по экономическому развитию. К. С. Джомо имеет репутацию неортодоксального интеллектуала. Его взгляды, по его собственным словам, сформировались в значительной степени под воздействием таких экономических авторитетов и наших соотечественников, как Александр Гершенкрон и Василий Леонтьев. А в 2007 г. он был награжден премией Василия Леонтьева за расширение горизонтов экономической мысли. Он был создателем (в 2001 г.) и первым председателем международной ассоциации неортодоксальных экономистов, занимающихся проблемами развития (International Development Economics Associates — IDEAs — <http://www.networkideas.org/>). Среди его главных научных достижений — выявление опасностей неконтролируемого международного движения капитала и финансовой либерализации, предсказание азиатского валютного кризиса 1997 г., анализ вклада промышленной политики в экономический рост «азиатских тигров», работы по приватизации и присвоению ренты. В 2008 г. инициированные К. С. Джомо аналитические записки по национальным стратегиям развития были опубликованы в виде книги⁴.

В настоящей работе эти аналитические записки рассматриваются в контексте российских экономических проблем. В какой мере экономические проблемы новой России схожи с проблемами других стран, вырабатывающих свои национальные стратегии развития? Какие уроки мы можем извлечь из ошибок и успехов стран, пытающихся вырваться из тисков отсталости, бедности, экономической нестабильности? Применимы ли к российским реалиям рекомендации ООН по выработке Национальных стратегий развития?

Все эти вопросы обсуждаются ниже. Текст, набранный мелким шрифтом, — это дословный перевод главных положений аналитических записок. Остальное — мои комментарии, которые призваны разъяснить эти положения и обсудить, в какой мере они применимы к сегодняшним российским реалиям.

Я благодарен Мировому общественному форуму «Диалог Цивилизаций» за финансовую поддержку издания настоящей книги и помощь в подготовке книги к публикации.

⁴ National Development Strategies: Policy Notes. Release Date: August, 2008. United Nations, Department of Economic and Social Affairs.

Введение

Динамика производства при переходе к рынку:

ВЛИЯНИЕ ОБЪЕКТИВНЫХ УСЛОВИЙ,
ИНСТИТУТОВ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ПОЛИТИКИ¹

Это введение, уважаемый читатель, призвано дать представление о специфике проблем посткоммунистических (и коммунистических — Китай, Вьетнам, Куба, Северная Корея) стран в последние 20–30 лет, когда они осуществляли переход к рынку. В большинстве стран этот переход был крайне болезненным, сопряженным с падением производства и ухудшением социальных показателей. Развивающиеся страны в 80-е годы тоже часто проводили экономическую либерализацию и приватизацию госсобственности, но, конечно, не в таких масштабах, как бывшие соцстраны. Гигантский либерализационный эксперимент 90-х годов в бывших странах советского блока обошелся очень дорого, но позволил точнее понять последствия либеральных экономических реформ, которые в развивающихся странах часто были скрыты влиянием других факторов (изменение условий торговли, объемов иностранной помощи и притока частного капитала, военные конфликты и т. д.). В бывших же соцстранах, напротив, рыночные реформы прошли в очень короткий промежуток времени при почти неизменных «прочих условиях», так что воздействие этих реформ на экономическую и социальную динамику относительно легко прослеживается. В этом смысле опыт бывших соцстран, пусть и негативный, имеет важное значение для всех развивающихся стран.

¹ На основе статьи, опубликованной в журнале «Вопросы экономики» (2007. № 5) и являющейся логическим продолжением трех предыдущих статей: «Экономическая динамика при переходе к рынку: влияние исходных условий и экономической политики» [Вопросы экономики. 1998. № 7]; «Сильные институты важнее скорости реформ» [Вопросы экономики. 1998. № 8]; «Почему падение производства в регионах России было неодинаковым» [Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 9].

Какие же уроки можно извлечь из этого опыта? Страны Центральной Европы пережили трехлетний спад и сегодня превысили уровень производства, существовавший до кризиса; в странах Юго-Восточной Европы динамика производства была хуже; а страны СНГ в большинстве своем пережили почти что 10-летний спад производства и до сих пор не могут достичь предкризисного уровня. Почему страны с переходной экономикой демонстрируют столь несхожие экономические тенденции?

При сравнении экономической динамики в переходных экономиках обычно рассматриваются европейские страны и республики бывшего СССР (рис. В.1а), однако, если взглянуть на азиатские страны, картина получится еще более пестрой (рис. В.1б): Китай и Вьетнам, начавшие реформы в 1978 г. и 1986 г. соответственно, испытали не спад, а ускорение экономического роста; в Монголии и Узбекистане спад был незначительным (3 года), но последующее экономическое восстановление проходило довольно вяло; в России, Казахстане, Киргизии, Таджикистане и Туркмении спад был и продолжительным (почти 10 лет), и значительным (падение производства на 40–60%), а последующее восстановление довольно медленным (в Туркмении и Казахстане быстрее, чем в других странах региона, — рис. В.1в). С чем связаны эти различия?

Двадцать лет назад, на заре экономической трансформации, да даже и 10 лет назад, споры велись в основном о темпах реформ — между шокотерапевтами (сторонниками радикальных реформ) и градуалистами (приверженцами постепенных преобразований). Сторонники шоковой терапии утверждали, что «невозможно преодолеть пропасть в два прыжка», что быстрая смена экономической системы позволит исключить «смутный» период, когда старые правила уже не действуют, а новые еще не заработали. Градуалисты, в свою очередь, возражали против разрушения ранее существовавших институтов и отмены прежних правил экономического регулирования до того, как будут созданы новые институты и разработаны новые правила, предупреждая, что институциональный вакуум может привести к катастрофическому спаду производства. В частности, они указывали, что китайская стратегия «вырастания из социализма» (быстрый рост «создаваемых с нуля» компаний негосударственного сектора) является более предпочтительной по сравнению со стратегией широкомасштабной приватизации, поскольку при этом обеспечивается лучшая защита прав собственности.

Экономистами был разработан целый ряд моделей, показывающих, что при соблюдении определенных условий постепенная либерализация может быть более перспективной, чем «шоковая» либерализация, и наоборот. С течением времени были накоплены статистические данные, позволившие проверить теоретические модели. Было проведено большое число эмпирических исследований с целью показать, что быстрое

проведение либерализации и макроэкономической стабилизации является оптимальной стратегией реформ, обеспечивающей более благоприятную экономическую динамику. Основные выводы этих исследований были суммированы в докладе Всемирного банка о мировом развитии за 1996 г. «От плана к рынку», где утверждалось, что «последовательная экономическая политика, сочетающая либерализацию рынков, внешней торговли и процесса создания новых предприятий с разумной стабильностью цен, может достичь очень многого даже в тех странах, где отсутствуют четко определенные права собственности и сильные рыночные институты» [World Bank, 1996, p. 142].

«Вашингтонский консенсус», шокотерапия, радикальные реформы — все это понятия, если не идентичные, то близкие по содержанию. Главная идея радикального подхода: чем больше степень либерализации, тем лучше должны обстоять дела в экономике. Говоря подробнее, среди необходимых составляющих «хорошей» политики обычно называют либерализацию цен и рынков, макроэкономическую стабилизацию (снижение инфляции до уровня 40% в год и ниже), ограничение госрасходов, приватизацию, открытие экономики (введение конвертируемости валюты и снижение торговых барьеров). Факты, на первый взгляд, свидетельствуют в пользу такого подхода. Скажем, страны Центральной Ев-

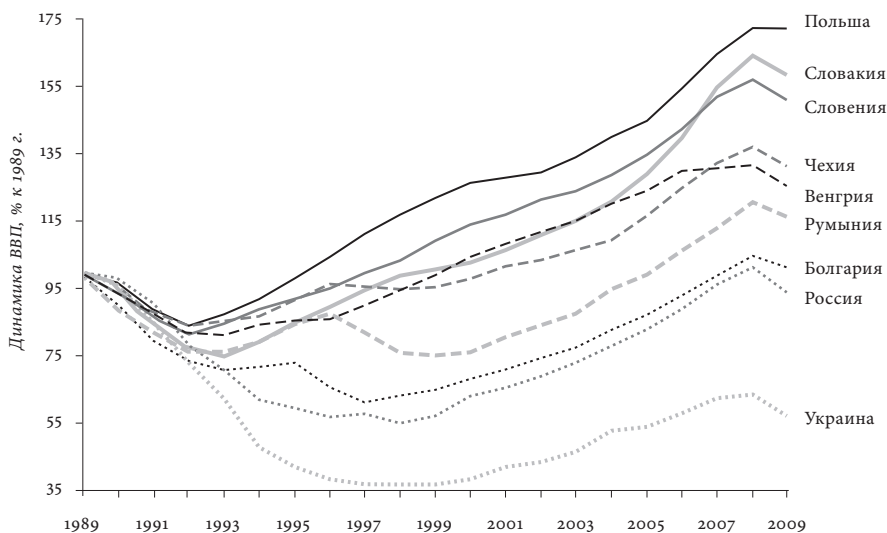

РИС. В.1а. Динамика ВВП в европейских переходных экономиках, 1989 г. = 100%

ИСТОЧНИК: EBRD, Transition Report за разные годы.

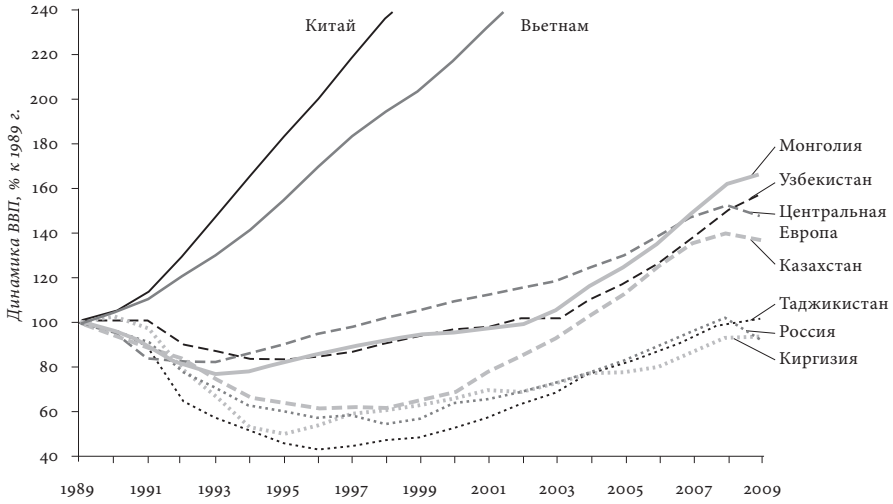

РИС. В.16. Динамика ВВП в странах Центральной и Северной Азии, 1989 г. = 100%

ИСТОЧНИК: WDI; EBRD, Transition Report за разные годы.

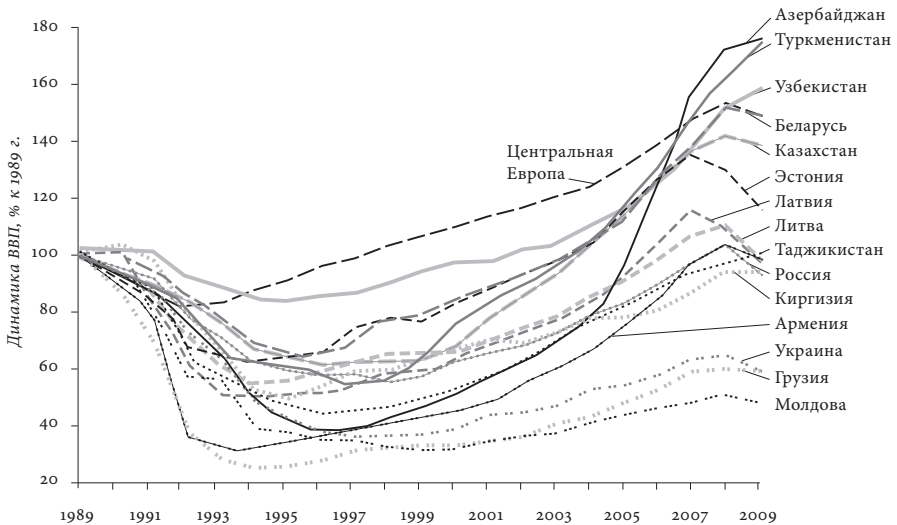

РИС. В.1в. Динамика ВВП в бывших советских республиках, 1989 г. = 100%

ИСТОЧНИК: EBRD, Transition Report за разные годы.

ропы (Вышеградской группы), последовательно либерализующие свои экономики и дальше других продвинувшиеся в этом направлении, показывают лучшие, чем у других, результаты. В Польше предкризисный уровень производства был превзойден в 1996 г., в Словении — в 1998 г., в Венгрии, Чехии, Словакии — в 1999–2001 гг. Напротив, в странах СНГ, которые отстают в проведении рыночных реформ от Центральной Европы и к тому же в течение четырех лет (1992–1995 гг.) не могли сбить инфляцию, падение ВВП составило порядка 50% от предкризисного уровня 1989 г. и продолжалось почти 10 лет. С тех пор как ЕБРР стал публиковать количественные экспертные оценки прогресса, достигнутого странами в продвижении к полноценному рынку в разных сферах, экономисты рассчитывают индексы экономической либерализации по странам и пытаются показать, что динамика ВВП тем благоприятнее, чем выше либерализация (рис. В.2) и чем ниже инфляция (см., например: [De Melo, Denizer, Gelb, 1996; Aslund, Boone, Johnson, 1996; Breton, Gros, Vandille, 1997]).

На уровне обобщений, возможно, такие аргументы и кажутся убедительными, однако дьявол, как известно, в деталях: более внимательный взгляд на конкретные примеры тотчас же обнаруживает ряд несоответствий.

Во-первых, быстрый экономический рост Китая в 80–90-е годы, который даже сейчас имеет более низкие показатели либерализации, чем страны Восточной Европы (не говоря уже о 80-х годах, — см. рис. В.2, В.3), явно плохо укладывается в описанную выше конструкцию. Больше того, сам факт отсутствия трансформационного спада в Китае, а также во Вьетнаме, где рыночные реформы привели к немедленному ускорению роста производства, не поддается однозначной интерпретации. Имеющиеся в литературе объяснения — высокая доля аграрного сектора, поставляющего дешевую рабочую силу в промышленность [Sachs, Woo, 1994, p. 101–145], или ориентация реформаторов на ускорение роста, а не на замену плановой экономики рыночной, как в Восточной Европе и бывшем СССР [Pomfret, 1997], — по меньшей мере не слишком убедительны и не принимаются как исчерпывающие большинством экономистов. Четкого понимания, почему же все-таки Китаю и Вьетнаму не пришлось пережить падения производства на пути к рынку, как, скажем, Монголии и Албании, близко стоящим к Китаю и Вьетнаму по уровню экономического развития, до сих пор нет.

Во-вторых, сравнение итогов экономических реформ в Китае и Вьетнаме. Не слишком известный среди неспециалистов факт: Вьетнам после недолгих экспериментов с постепенными реформами «горбачевского» толка (1986–1989 гг.) в марте 1989 г., на девять месяцев раньше Польши, запустил программу классической шокотерапии, одновременно дерегулировав 90% всех цен, девальвировав донг и заменив множественные обменные курсы единым [Woo, 1998]. Никакого спада, однако, не после-

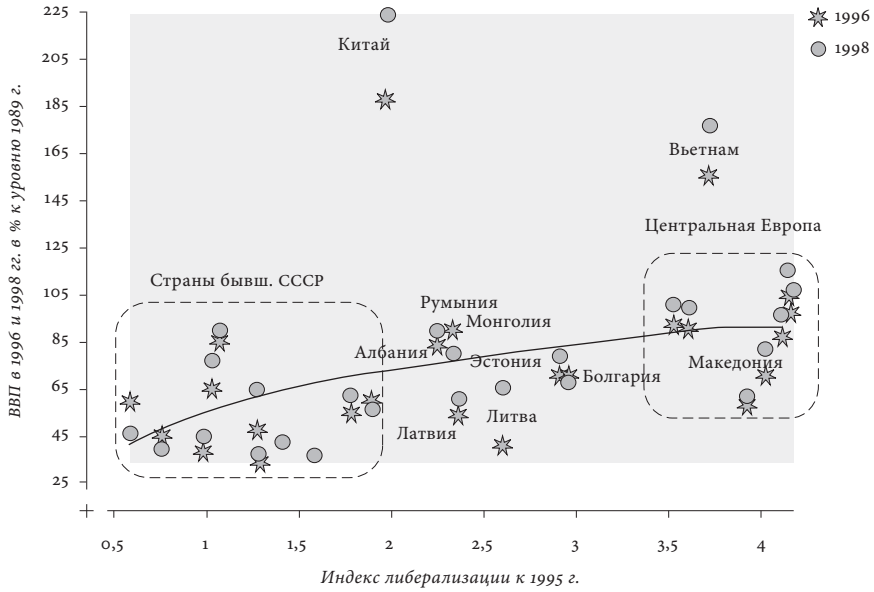

РИС. В.2. Индекс либерализации к 1995 г. и динамика ВВП в 1989–1998 гг.
 ИСТОЧНИК: WDI; EBRD, Transition Report за разные годы.

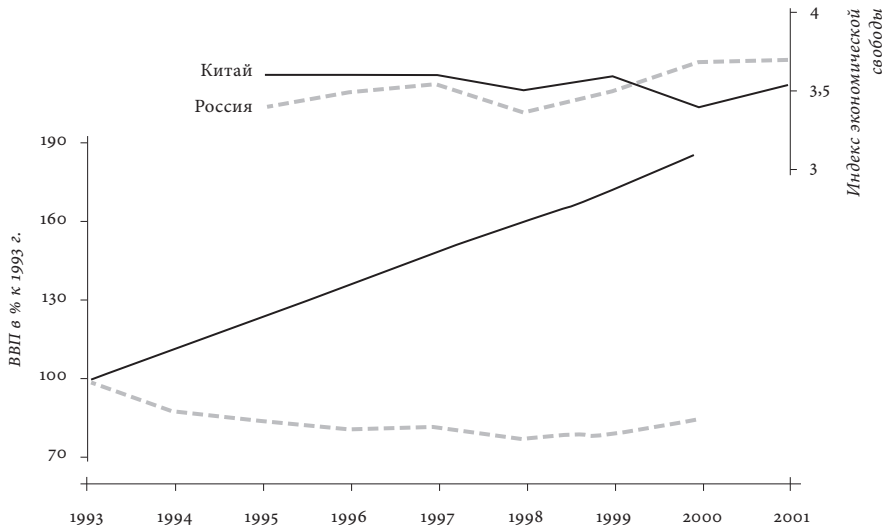

РИС. В.3. Индексы экономической свободы и рост ВВП в Китае и России
 ИСТОЧНИК: Heritage Foundation, WDI.

довало, напротив, экономический рост, как и в Китае, ускорился (в случае Вьетнама — до 7% в год в 90-е годы)².

Получается примерно следующее: две соседние страны, имеющие схожий уровень развития, структуру хозяйства и экономическую культуру, продемонстрировали впечатляющую способность к экономическому росту в переходный период вопреки кардинальным, казалось бы, различиям в экономической политике — Китай следовал курсом постепенных реформ, поддерживая долгое время двухколейную систему цен и реализации, тогда как Вьетнам создал полноценный рынок товаров в ночь с воскресенья на понедельник. Значит ли это, что стратегия перехода не играет никакой роли?

В-третьих, сравнение экономической динамики в странах бывшего СССР тоже не укладывается в схему «больше либерализации — меньше падение производства». В самом деле, бесспорные лидеры либерализации — балтийские республики — показывают далеко не лучшие результаты: хотя экономический рост в регионе возобновился в 1994–1995 гг., в 2003 г. ВВП составил лишь 77–98% от уровня 1989 г. Эстония еще более или менее укладывается в либерализационную схему (хотя и в альтернативную схему, предлагаемую в настоящей главе, тоже; об этом подробнее ниже), но Латвию и Литву, где уровень производства только в 2005–2006 гг. превзошел предкризисный, даже с натяжкой трудно считать примерами успешной трансформации.

А кто лидирует среди бывших советских республик по уровню производства в сравнении с предкризисным? Пять стран бывшего СССР превысили в 2005 г. уровень производства 1989 г.: Узбекистан, Туркменистан, Эстония, Беларусь, Казахстан (рис. В.1в), хотя Узбекистан, Туркменистан и Беларусь имеют чуть ли не самые низкие показатели либерализации экономики. Экономические успехи Беларуси, обделенной нефтью и газом и называемой «последней диктатурой Европы», смотрятся как явный вызов «традиционной мудрости».

В-четвертых, среди стран Восточной Европы успехи в экономике тоже не всегда соответствуют уровню либерализации. Так, Венгрия, один из трех лидеров в либерализации в 90-е годы наряду с Польшей и Словенией, имела более низкие темпы роста и уровень производства относительно докризисного, чем заметно отстававшие в либерализации Чехия и Словакия.

² Объем промышленного производства во Вьетнаме, исключая стремительно нараставшее производство нефти, несколько снизился после дерегулирования цен (–6% в 1989 г. и 0% в 1990 г.), однако рост сельского хозяйства с лихвой компенсировал промышленный спад, так что темпы роста ВВП практически не снизились (5–6% в 1989–1990 гг.) [Montes, 1997; Woo, 1998].

Эти и другие несоответствия не просто портят, но фактически разрушают общую схему, в соответствии с которой прогресс в либерализации должен приносить экономические дивиденды (ограниченный спад и быстрое восстановление производства). Зависимость между изменением ВВП и либерализацией (рис. В.2) существует, но только благодаря тому, что Восточная Европа как группа из 10 стран имеет более высокие показатели и либерализации, и ВВП (в % к 1989 г.), чем группа 15 бывших советских республик. Однако, во-первых, третья группа стран (азиатские несоветские — Вьетнам, Китай, Монголия) не вписывается в общую картину (быстрый рост или слабое падение производства при относительно низкой либерализации). А во-вторых, самое важное: внутри каждой из групп зависимости между либерализацией и экономической динамикой вообще нет.

Настоящая глава опирается на предыдущие исследования 10-летней давности [Попов, 1998а; 1998б; Роров, 2000; Попов, 2000; Роров, 2001] о причинах различной глубины и продолжительности трансформационного спада в переходных экономиках. Задача настоящей работы: во-первых, рассмотреть возражения против предлагаемого объяснения, появившиеся с момента публикации статей; во-вторых, объяснить различия в динамике производства после спада, в период экономического восстановления (накопившаяся статистика позволяет теперь это сделать).

ИСХОДНЫЕ УСЛОВИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА

Почему при переходе от плановой экономики к рыночной происходит спад производства? Среди многих причин экономического спада 1990-х в большинстве стран с переходной экономикой есть одна, которую вряд ли кто-либо будет оспаривать: неблагоприятный шок предложения (*adverse supply shock*), вызванный изменением относительных цен. Это простое и понятное объяснение трансформационного спада, однако до сих пор оно нечасто встречается в экономической литературе.

Спад производства при переходе от плановой экономики к рыночной происходит из-за изменений, связанных с факторами предложения (*supply shock*), — неспособности экономики справиться с требуемым перемещением ресурсов из одних отраслей и регионов в другие из-за неразвитости, недостаточной гибкости нарождающихся рыночных структур, несовершенной конкуренции, барьеров на пути движения труда и капитала и т. д. Снижение производства в неконкурентоспособных отраслях (таких, которые становятся неконкурентоспособными при новых соотношениях цен) при этом не сопровождается подъемом производства в конкурентоспособных, так как неэффективные банки, рынки ценных бумаг, рынки жилья и земли, неадекватно обеспеченные права собственников и кредиторов и т. п. затрудняют перелив ресурсов из одних сфер в другие.

Предположим, что 50% всего производства приходится на отрасли хозяйства, которые при новых соотношениях цен, возникающих после их дерегулирования, становятся неконкурентоспособными. Тогда весь этот сектор должен исчезнуть — либо постепенно, либо сразу, в зависимости от темпов изменения относительных цен. Если либерализация цен происходит одномоментно, то неконкурентоспособный сектор в одночасье становится нерентабельным, и производство сразу сокращается на 50%; в дальнейшем инвестирование и рост выпуска происходят только в конкурентоспособном секторе, так что для достижения уровня производства, имевшего место до спада, потребуется много лет. Если реформы осуществляются медленно (постепенное освобождение цен или устранение тарифов/субсидий), так, что производство в неконкурентоспособных отраслях ежегодно снижается, скажем, на 10%, то этот спад в значительной степени может быть компенсирован ростом производства в конкурентоспособном секторе. Наилучшим вариантом, конечно, будет такой темп освобождения цен, который ведет к сокращению производства в неконкурентоспособном секторе с естественной скоростью, то есть по мере выбытия устаревшего основного капитала.

При мгновенном дерегулировании цен масштабы трансформационного спада определяются масштабами необходимой структурной перестройки, а они, в свою очередь, зависят от накопленных за плановый период диспропорций в структуре производства и во внешней торговле — проще говоря, от размеров сектора экономики, который становится неконкурентоспособным при новых соотношениях цен, возникающих после их дерегулирования. Приблизительно количественно оценить диспропорции, унаследованные от планового хозяйства, или иначе, степень деформированности экономической структуры, можно, сложив военные расходы (в % к ВВП), «избыточное» (в сравнении со странами с рыночной экономикой и схожим ВВП на душу населения) развитие промышленности и «недоразвитие» сектора услуг и диспропорции во внешней торговле (тоже в сравнении с аналогичными рыночными экономиками) — «заниженность» доли внешней торговли в ВВП, долю торговли с соцстранами и между бывшими советскими республиками (так как она велась по ценам, сильно отличавшимся от рыночных)³. Получается, что зависимость между этим агрегатным показателем диспропорций накануне реформ и падением производства в период реформ просматривается довольно четко, особенно если исключить страны, пострадавшие от войн (рис. В.4).

Диспропорции в отраслевой структуре и во внешней торговле, как и диспропорции на микроуровне — в размере и специализации пред-

³ Подробнее о расчете показателя диспропорций см.: [Попов, 1998а; 1998б; Роров, 2000].

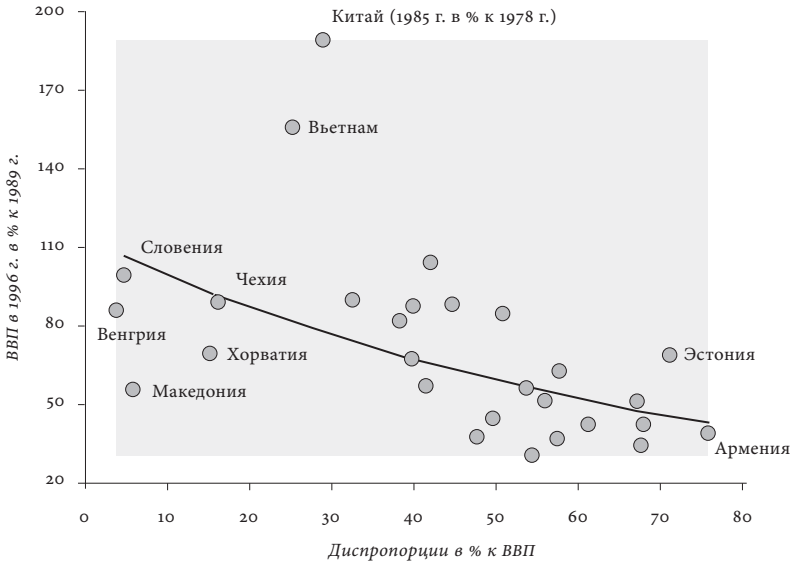

РИС. В.4. Совокупные диспропорции в структуре хозяйства и во внешней торговле накануне рыночных реформ (Китай — 1978 г.; все остальные страны — конец 80-х годов) (в % к ВВП) и динамика ВВП в первые 7 лет переходного периода
ИСТОЧНИК: [Попов, 1998а].

приятый, тем труднее преодолимы, чем более они материализованы в основных фондах: если последние вообще нельзя перепрофилировать (а можно только выбросить и заменить новыми), то общество фактически несет потери, эквивалентные нескольким годовым ВВП (скажем, трем, если капиталоемкость производства, отношение основных фондов к ВВП равна трем). Можно поэтому предположить, что относительно бедные сельскохозяйственные страны (Вьетнам и Китай, в известной степени — Албания и Монголия) имели преимущества в сравнении с более развитыми, поскольку их примитивный основной капитал был менее подвержен деформациям и, даже если и был деформирован и подлежал замене, составлял по стоимости меньшую часть ВВП и инвестиций.

Такая интерпретация предполагает, что бремя прошлого для китайских и вьетнамских реформаторов не было столь тяжелым, как в Восточной Европе и СССР, что их экономики, следовательно, были более реформируемыми. Китайские коммуны, скажем, оказалось возможным в 1979 г. «раздать на огороды» без ущерба для технологии и эффективности. Напротив, советские колхозы и совхозы базировались на централизованной инфраструктуре (от жилья до хранилищ и ремонтной базы),

большую часть которой переход к семейным фермам неизбежно превращал в груды металлолома. В промышленности китайский успех зиждется на вновь создаваемых предприятиях (в основном мелких и средних, относительно малокапиталоемких), а крупные капиталоемкие госпредприятия до сих пор остаются узким местом китайской экономики.

Доводя мысль до крайности, можно сказать, что в Китае, где диспропорции плановой системы не были увековечены «в металле», выгоды рынка сказались бы сразу при любом варианте перехода, будь то постепенные реформы или шокотерапия. Падения производства не было бы и при шокотерапии (доказательство — Вьетнам). В Восточной Европе и СССР, напротив, более высокий уровень развития обернулся одновременно и большей степенью материализации диспропорций в виде деформированности основных фондов.

Таким образом, из опыта всех стран с переходной экономикой можно сделать по крайней мере один общий вывод в отношении процесса реформ во всех странах: если реформы вызывают необходимость структурной перестройки (перераспределения ресурсов), то их темп должен быть таким, чтобы масштаб реструктурирования не превышал инвестиционный потенциал экономики. Это главное обоснование необходимости постепенной, а не одномоментной ликвидации тарифных и нетарифных барьеров, субсидий и иных форм государственной поддержки определенных секторов (Европейскому экономическому сообществу и НАФТА потребовалось почти 10 лет, чтобы ликвидировать тарифы, хотя их средний уровень составлял мизерную величину — всего лишь порядка 10% от стоимости импорта).

Три показателя, характеризующие объективные условия, — совокупные диспропорции в структуре хозяйства и во внешней торговле, уровень ВВП на душу населения и вовлеченность в военные конфликты — объясняют 63% вариаций в динамике производства в 1989–1996 гг.: чем выше диспропорции и уровень развития, тем больше падение производства (табл. В.1). Что особенно важно, диспропорции полностью улавливают «эффект СССР», если к перечисленным показателям добавить качественную переменную — членство в бывшем СССР, параметры регрессии не улучшаются, а сама переменная оказывается незначима.

Иначе говоря, большее падение производства в странах бывшего СССР объясняется большими диспропорциями в структуре экономики и во внешней торговле, оставшимися в наследие от плановой системы. Среди стран с низкими диспропорциями (менее 30% ВВП), то есть с выгодными стартовыми условиями, — республики бывшей Югославии (Словения, Хорватия, Македония), Чехия и Словакия, Венгрия, Китай и Вьетнам. Все эти страны, исключая Македонию, пострадавшую от войны и блокады, показывают лучшие экономические результаты (измене-

ние ВВП), чем большинство остальных. С другой стороны, среди стран с высокими диспропорциями (более 50% ВВП) — все республики бывшего Советского Союза, за исключением России (в которой диспропорции составили 39% ВВП⁴), в основном отстающие от Восточной Европы по темпам восстановления производства.

Сконструированный показатель совокупных диспропорций даже сам по себе, без других способен неплохо предсказывать динамику ВВП: он объясняет 32% вариаций для 28 стран и около 50% — для 22 стран (исключая экономики, затронутые военными конфликтами).

Что же касается факторов экономической политики, то воздействие инфляции ощутимо и бесспорно: добавление показателя инфляции позволяет повысить коэффициент корреляции до почти 80% без ухудшения статистической достоверности коэффициентов регрессии. А вот роль либерализации, говоря осторожно, остается неясной: добавление индекса либерализации в качестве независимой переменной только ухудшает корреляцию, а коэффициент регрессии при показателе либерализации оказывается статистически незначимым. В принципе это еще не дает оснований безапелляционно отвергнуть влияние либерализации на динамику ВВП⁵. Однако, с другой стороны, подтвердить это влияние тоже не представляется возможным: исследования, обнаруживающие связь между изменением ВВП и индексом либерализации без учета различий в стартовых условиях, ничего не доказывают, так как при элементарном учете этих стартовых условий связь пропадает. (Далее вопрос рассматривается более подробно.)

Таким образом, около 80% вариаций в динамике ВВП в переходный период объясняются, во-первых, объективными причинами (диспропорции планового хозяйства, «преимущества отсталости», военные конфликты); во-вторых — различиями в уровнях инфляции. Темпы либерализации переходных экономик особого значения не имеют.

⁴ Диспропорции в России ниже, чем в других республиках, из-за относительно большой «несоветской» и «несоциалистической» торговли, то есть из-за экспорта сырья на Запад.

⁵ Между либерализацией, с одной стороны, и диспропорциями и инфляцией, с другой, существует довольно высокая корреляция, так что включать эти переменные в одно регрессионное уравнение некорректно из-за мультиколлинеарности. Однако логический довод в пользу первоочередного включения показателя, характеризующих различия в начальных условиях, представляется очень убедительным. Учет начальных условий — самое естественное, что можно себе представить, должен быть произведен до оценки факторов экономической политики. Если же добавление переменных, характеризующих политику, не улучшает параметров регрессии, роль этих переменных нельзя считать доказанной.

Не слишком ли просто и безнадежно? Получается, что неодинаковые экономические итоги трансформации предрешены судьбой (наследием плановой системы и уровнем развития), а правительство (Центральный банк) ничего, кроме поддержания низких темпов инфляции, не может сделать, чтобы ограничить спад производства?

Разумеется, это преднамеренное упрощение, призванное показать, что традиционная трактовка «хорошей» и «плохой» экономической политики на деле либо неверна (либерализация), либо сводит дело к тривиальным истинам (инфляция). Реальная картина, конечно, сложнее: успех трансформации определяется также и способностью государства обеспечить сильные институты, без которых либерализация (рыночная экономика) не работает. Эту институциональную составляющую «правильной» политики фактически просмотрели и шокотерапевты, и градуалисты, сконцентрировавшие свои усилия на спорах о второстепенном, по сути, вопросе о темпах экономических реформ.

ИНСТИТУТЫ И ДИНАМИКА ПРОИЗВОДСТВА

Слабость и неэффективность государственных и негосударственных институтов проявляется в неспособности государства предоставлять в нужном объеме общественные блага; в отсутствии эффективно применяемых процедур банкротств, защиты контрактов, прав собственников и общественного порядка в целом; в накоплении неплатежей; в долларизации и бартеризации экономики и т. д. Собственно говоря, и инфляция — это один из показателей институциональной эффективности. Ведь высокая инфляция — следствие не столько ошибочной политики (все знают, что печатать слишком много денег плохо), сколько слабости центрального правительства в отношении финансовых групп, отраслевых лобби, регионов, парламента и т. д. Слабость проявляется как в неспособности собрать достаточно налогов, так и в неспособности отказать группам давления в увеличении расходов.

Эффективность государственных и негосударственных институтов нелегко оценить количественно. В большинстве стран СНГ и Юго-Восточной Европы (Албания, Болгария, Румыния) разрушение институтов проявляется в гигантском увеличении доли теневой экономики; в падении доли государственных доходов в ВВП; в неспособности государства выполнить свои обязательства по предоставлению коллективных благ (public goods) и налаживанию работающих механизмов регулирования хозяйственной жизни; в накоплении неплатежей — просроченной задолженности (налоговым органам, рабочим, банкам, поставщикам); в демонетизации (падение отношения M_2 /ВВП, то есть рост скорости обращения денег), долларизации и бартеризации экономики; в снижении

доли банковского кредитования в ВВП; в отсутствии эффективно применяемых процедур банкротств, защиты контрактов, прав собственников и общественного порядка в целом; в высоком и растущем уровне преступности и т. д. Большинство указанных признаков может быть измерено количественно, причем результат подтверждает высказываемое ниже суждение: Вьетнам и Китай по показателям эффективности институтов оказываются ближе к Центральной Европе, чем к СНГ.

Обобщенным измерителем эффективности институтов может служить финансовая мощь государства — доля государственных доходов в ВВП. Хотя немало было написано о «слишком большом» правительстве и слишком высоких налогах, теперь, видимо, большинство исследователей сходятся во мнении, что уход государства из экономики в странах СНГ зашел слишком далеко.

До рыночных реформ в бывших социалистических странах государство не только детально регламентировало экономическую жизнь, но и обладало не меньшей финансовой мощью, чем в странах Западной Европы, перераспределяя через бюджет порядка 50% ВВП. Это позволяло бесплатно предоставлять коллективные блага (образование, здравоохранение, наука) и высокий уровень социальной защиты. Во время перехода к рынку доля государственных доходов в ВВП стала снижаться во всех переходных экономиках. Однако в странах Центральной Европы и в Эстонии процесс вскоре был остановлен и даже повернут вспять, тогда как в большинстве стран СНГ и Юго-Восточной Европы он продолжался и привел к падению доли госдоходов в ВВП в 1,5–2 раза.

Три типа изменения доли госрасходов в ВВП, примерно совпадающие с тремя основными моделями перехода к рынку, представлены на рис. В.5⁶. При сильном авторитарном режиме (Китай) сокращение госрасходов относительно ВВП происходило за счет обороны, субсидий и инвестиций, тогда как расходы на «обычное правительство» (включающее в себя все остальное — от образования до правоохранительных органов) росли примерно тем же темпом, что и ВВП [Naughton, 1997]. При сильном демократическом режиме (Польша) госрасходы на «обычное правительство» и другие функции, хотя и снизились накануне перехода к рынку (то есть когда прежний авторитарный режим разваливался), во время самих рыночных реформ даже несколько возросли. Наконец, при слабом демократическом режиме (Россия) сократились

⁶ Исключая расходы внебюджетных фондов, значительные во всех трех странах и идущие в основном на финансирование социальной защиты. Военные расходы учтены по данным национальной статистики, так что могут быть занижены за счет завышения расходов на инвестиции и субсидии. Для России/СССР расходы на инвестиции и субсидии показаны вместе.

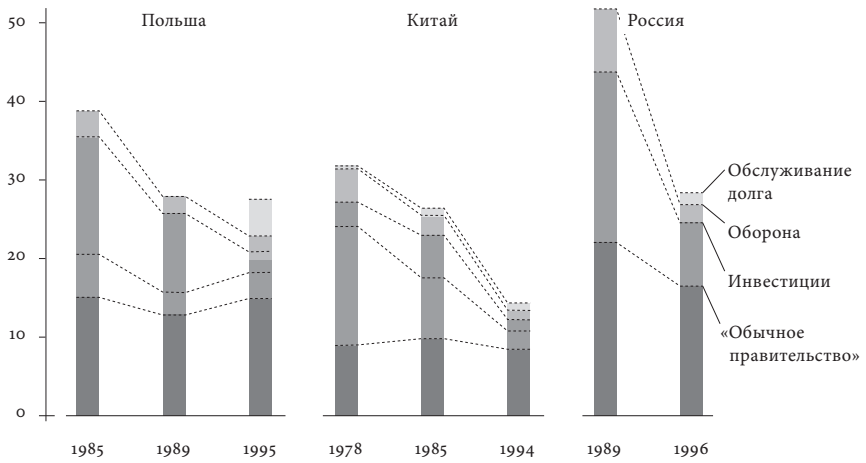

РИС. В.5. Государственные расходы (в % к ВВП)
ИСТОЧНИК: [Попов, 19986].

по отношению к ВВП не только расходы на оборону, субсидии и инвестиции, но также и расходы на «обычное правительство», что привело к подрыву институционального потенциала государства.

Да, верно, что в Китае расходы на «обычное правительство» в процентах к ВВП ниже, чем в Польше и в России, но они были такими и до реформ (до 1979 г.), так как расходы на социальное обеспечение из бюджета там были традиционно низки. Верно и то, что в России уровень расходов на «обычное правительство» не намного ниже, чем в Польше. Однако динамика этих расходов в реальном исчислении разнится кардинально: если в Польше, где в 1996 г. ВВП превысил предкризисный уровень, реальные расходы на «обычное правительство» в 1989–1996 гг. выросли примерно на треть (в Китае они, кстати сказать, в 1979–1986 гг. почти удвоились), то в России, где ВВП в 1996 г. едва дотягивал до половины предкризисного уровня, реальные расходы на «обычное правительство» снизились почти в 3 раза — надо ли говорить, что такое резкое снижение реальных объемов финансирования привело к фактическому разрушению старых государственных институтов и не оставило средств на создание новых.

Существует явная отрицательная корреляция между динамикой производства во время перехода к рынку и снижением доли доходов в ВВП: чем большим было падение государственных доходов, тем ниже был ВВП в 1996 г. в сравнении с дореформенным уровнем (рис. В.6). Еще более тесная связь наблюдается между динамикой инвестиций

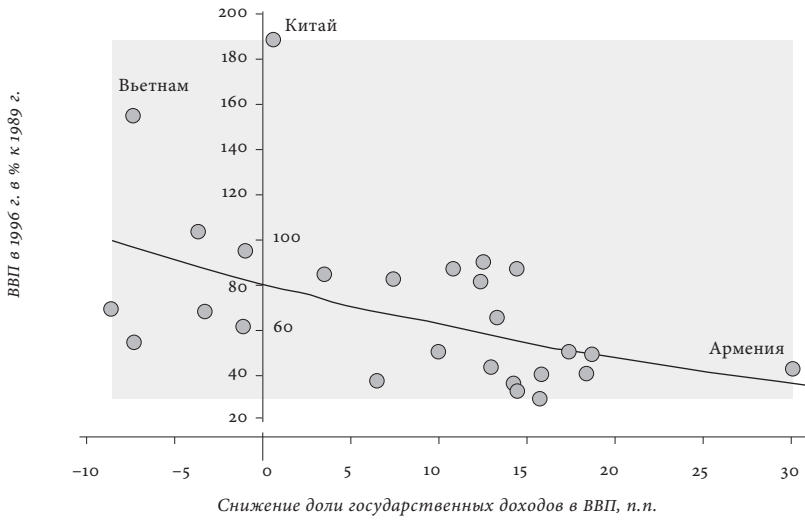

РИС.В.6. Снижение доли государственных доходов в ВВП и динамика ВВП в 1989–1996 гг.
ИСТОЧНИК: [Попов, 19986].

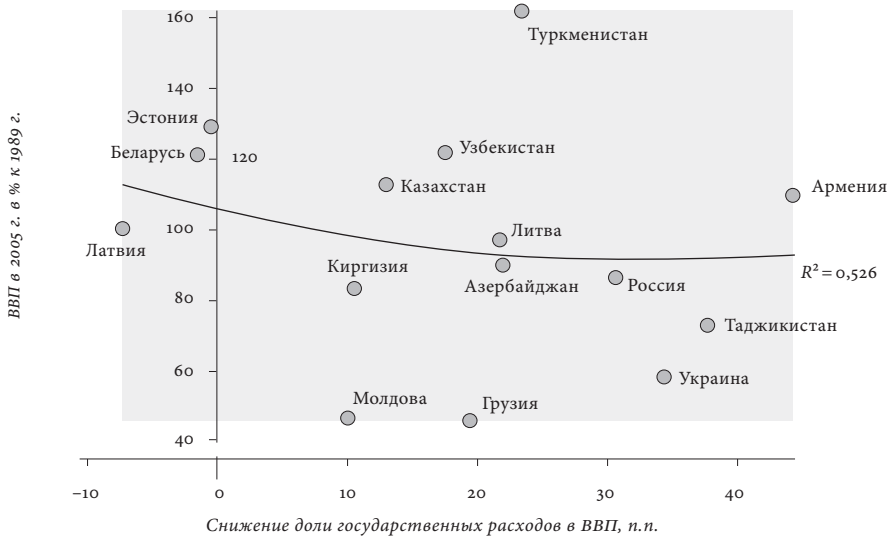

РИС.В.7. ВВП в 2005 г. (в % от 1989 г.) и снижение доли государственных расходов в ВВП в 1989–2005 гг.

и госдоходов. Интерпретация этой зависимости после всего сказанного вряд ли может вызывать сомнения: подрыв финансовой мощи государства ведет к коллапсу институтов, что, в свою очередь, подавляет экономическую активность и угнетает инвестиции.

Даже по итогам всего переходного периода (1989–2005 гг.) только для стран бывшего СССР видно, что если исключить Туркменистан, то зависимость между сокращением госрасходов в процентах к ВВП и экономической динамикой просматривается довольно четко (рис. В.7). При этом Беларусь оказывается в одной группе с Эстонией.

Снижение доли госдоходов и расходов в ВВП практически везде сопровождалось повышением удельного веса теневой экономики (рис. В.8). А индекс захвата государства, рассчитанный Всемирным банком на основе опроса фирм в 1999 г., даже только по странам бывшего СССР сильно коррелирует с долей теневой экономики (рис. В.9). И здесь Беларусь оказывается в одной компании с Эстонией.

Что еще неприятнее, более глубокое падение доли госдоходов в ВВП (и производства) оказалось сопряженным с более сильным ростом неравенства в распределении доходов. Наоборот, именно в странах с наименьшим падением доли госдоходов в ВВП (Центральная Европа, Эстония, Узбекистан, Беларусь) распределение доходов ухудшилось незначительно. Неравномерное же распределение доходов, как известно, отрицательно сказывается на экономическом росте и потому, что ухудшает инвестиционный климат, и потому, что затрудняет проведение структурных реформ и макроэкономической стабилизации. Вдобавок социальное неравенство питает то, что называется макроэкономическим популизмом — перераспределение доходов от конкурентоспособных секторов к неконкурентоспособным, от успешных предприятий к неудачникам, от богатых к бедным. Проще говоря, чем сильнее неравенство в доходах, тем больше соблазн перераспределять «общественный пирог» вместо того, чтобы его увеличивать.

В общем динамика государственных расходов в переходный период оказывается со всех точек зрения более важным фактором успешной трансформации, чем скорость реформ. Сохранение большого государства в переходный период, разумеется, не может быть абсолютной гарантией благоприятной динамики производства (нужны еще и другие условия, в частности эффективное расходование государственных средств). Однако резкое сокращение госрасходов, в особенности на «обычное правительство», — верный путь к коллапсу институтов и глубокому падению производства, сопровождающемуся углублением социального неравенства и макроэкономическим популизмом.

При сокращении реальных государственных расходов в два и более раза, как это произошло в большинстве государств бывшего СССР

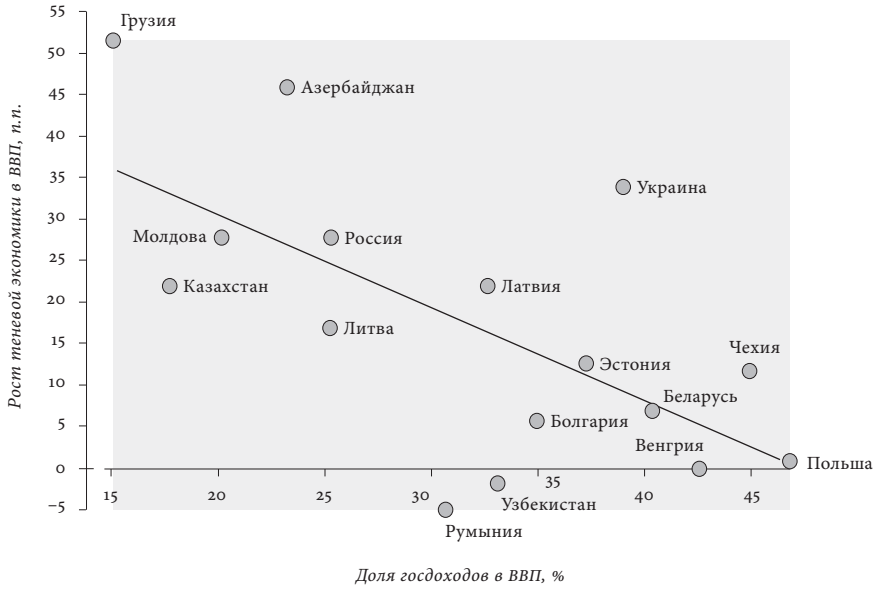

РИС. В.8. Государственные доходы и теневая экономика (в % к ВВП)
ИСТОЧНИК: [Попов, 19986].

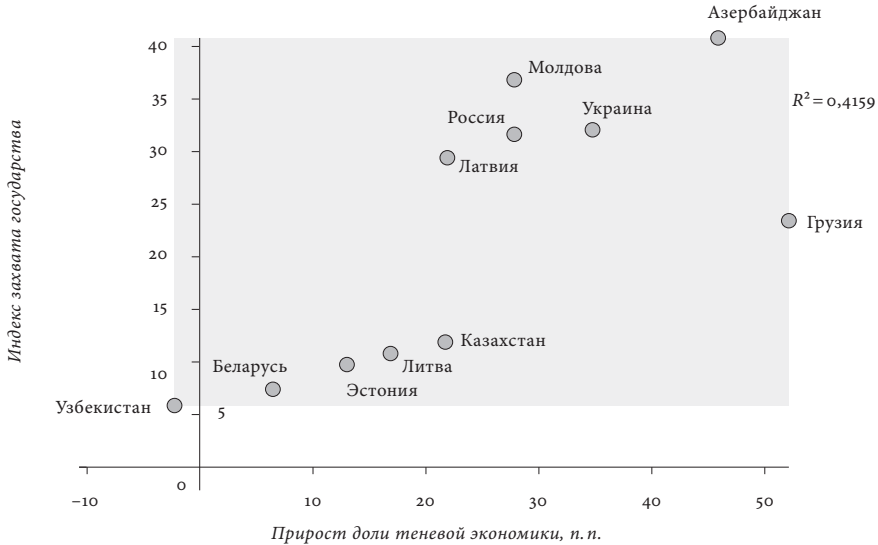

РИС. В.9. Прирост доли теневой экономики в 1989–1994 гг. и индекс захвата государства в 1999 г.
ИСТОЧНИК: EBRD Transition Report за разные годы; [Kaufmann, Kaliberda, 1996].

и Юго-Восточной Европы в короткий промежуток времени — всего за несколько лет, практически не остается шансов компенсировать падение объема финансирования повышением эффективности институтов, так что способность государства гарантировать права собственников и исполнение контрактов, поддерживать закон и порядок и противодействовать криминализации катастрофически снижается.

История провалов и успехов переходного периода предстает, таким образом, отнюдь не как история последовательных (успешных) и непоследовательных (неудачных) реформ. Главный сюжет «романа» постсоциалистической трансформации — сохранение дееспособных институтов в одних странах (очень разных по прочим своим характеристикам, от Центральной Европы и Эстонии до Китая, Узбекистана и Беларуси) и их развал в остальных. Как минимум на 90% это история несостоятельности государства и его институтов (government failure), а не несостоятельности рынка и недостаточной либерализации (market failure).

Если добавить показатель снижения доли госдоходов в ВВП за время реформ к другим независимым переменным, параметры регрессии существенно улучшаются: объективные условия и развал институтов, измеряемый снижением доли госдоходов в ВВП, могут даже без показателя инфляции объяснить 75% вариаций в динамике ВВП; при добавлении показателя инфляции коэффициент корреляции возрастает до 85% (табл. В.1). Если же использовать показатель доли теневой экономики в ВВП в качестве измерителя эффективности государственных институтов, то коэффициент корреляции возрастает даже до 92% (хотя число наблюдений сокращается до 17 из-за отсутствия данных).

В итоге, таким образом, получается следующая картина: масштабы падения/роста производства при переходе к рынку зависят от начальных условий — от уровня развития («преимущества отсталости») и накопленных за время централизованного планирования диспропорций в структуре экономики и внешней торговле, а также от способности сохранить эффективные институты и поддерживать низкие темпы инфляции во время либерализации. Регрессионные уравнения, например, предполагают (при всей условности таких оценок), что предсказанное снижение ВВП в России в 1989–1996 гг. на 48% (44% в действительности) могло бы составить только 35%, если бы удалось удержать долю государственных доходов в ВВП на неизменном уровне (в реальности она снизилась на 19 процентных пунктов). Если же в дополнение к этому темпы инфляции сохранились бы на уровне Венгрии (20% в год в 1990–1995 гг. против 500% в действительности), то падение ВВП составило бы только 10%.

При этом темпы либерализации, которые обычно считаются важнейшей составляющей экономической политики, не играют никакой роли — при включении индекса либерализации в уравнение коэффициент при

ТАБЛИЦА В.1. Параметры регрессии: изменение ВВП в 1989–1996 гг. в зависимости от стартовых условий, индекса либерализации и институтов (все коэффициенты статистически значимы на 5%-м уровне достоверности за исключением тех, которые заключены в скобки)

Зависимая переменная — логарифм ВВП в 1996 г. в % к 1989 г.

Для Китая — все показатели для периода 1979–1986 гг.

Переменные	Уравнение; N — число наблюдений					
	1; N=28	2; N=28	3; N=28	4; N=28	5; N=17	6; N=17
Константа	5,23	4,96	5,55	5,71	5,91	6,07
Диспропорции, % к ВВП*	-0,01	-0,01	-0,01	-0,01	-0,00	-0,00
ВВП на душу по ППС, % к уровню США в 1987 г.	-0,01	-0,02	-0,01	-0,01	-0,02	-0,01
Дамми-переменная «война»**	-0,63	-0,58	-0,40	-0,40	0,26***	0,27***
Снижение отношения госдоходов к ВВП в период с 1989–1991 по 1993–1996 гг., п. п.	-0,01	-0,01	-0,01	-0,01		
Индекс либерализации в 1995 г.		(,07)		(-0,4)		(-0,05)
Логарифм среднегодовой инфляции в 1990–1995 гг., %			-0,12	-0,14	-0,12	-0,14
Теневая экономика в % к ВВП в 1994 г.					-0,02	-0,02
Скорректированный R ² , %	75	75	85	84	92	91

* Диспропорции в плановый период рассчитаны так же, как и на рис. В.4 (Вопросы экономики. 1998. № 7).

** Равняется 1 для Азербайджана, Армении, Хорватии, Грузии, Македонии, Таджикистана и 0 для всех остальных стран.

*** Значим на уровне 8%.

индексе оказывается статистически незначимым, а параметры регрессии ухудшаются.

Между эффективностью институтов и либерализацией, на первый взгляд, никакой связи нет. Либерализация может проходить при сохранении прочных институтов, причем независимо от того, осуществляется ли она в виде шокотерапии (Центральная Европа, Вьетнам) или в виде постепенных реформ (Китай), авторитарными (Вьетнам, Китай) или демократическими режимами (Центральная Европа). Либерализа-

ция может сопровождаться и разрушением институтов, как в большинстве стран СНГ, причем опять-таки, казалось бы, независимо от того, какой политической режим проводит либерализацию, демократический или авторитарный и какими темпами.

Доказательство — сравнение между горбачевскими реформами в СССР (1985–1991 гг.) и ельцинскими реформами в России (1991–1999 гг.): в первом случае — постепенные реформы, проводимые авторитарным режимом, во втором — попытка радикальных реформ, предпринятая демократическим режимом, одинаково закончившиеся ослаблением институтов и падением производства.

Горбачевские реформы, иначе говоря, провалились не потому, что были постепенными или недостаточно демократическими, но из-за ослабления институтов государственной власти (накопление отложенного потребительского спроса, рост теневой экономики и снижение бюджетных доходов, ослабление плановой дисциплины и т. п.). Подобным же образом ельцинские реформы привели к падению производства не потому, что были «слишком» радикальными или демократичными, но из-за продолжавшегося ослабления институтов (дальнейшее расширение теневой экономики и падение доходов бюджета, подрыв законности и правопорядка и т. д.). Урок, кажется, достаточно очевиден: никакая либерализация, ни моментальная, ни постепенная, если она сопровождается ослаблением институтов, не может привести к улучшению экономического положения. И, наоборот, при сильных институтах любая либерализация — и радикальная, и постепенная, и демократическая, и авторитарная — дает экономические дивиденды в виде роста производства.

Строго говоря, такой вывод никак нельзя считать неожиданным. Ведь либерализация представляет собой процесс перехода от плановой экономики к рыночной, точнее, процесс снятия ограничений, существовавших в плановой экономике и препятствовавших функционированию рынков. Плановые же экономики не только доказали свою способность к экономическому росту (пусть и неэффективному, с чрезмерными затратами ресурсов), но и в основном даже росли быстрее рыночных экономик со схожим уровнем развития. Так что ожидать, что внедрение рыночных механизмов приведет к ускорению роста хотя и в принципе оправдано, но только при прочих равных условиях. Последние же были более или менее одинаковы (до реформ и во время реформ) только в Китае и во Вьетнаме (сильные институты и отсутствие необходимости крупной структурной перестройки, высокая доля инвестиций в ВВП). В других же странах «прочие условия» изменились: либо институты ослабли, либо возникла необходимость (в связи с новыми ценами) перестраивать отраслевую структуру и внешнюю торговлю, либо снизилась доля инвестиций в ВВП (что даже при полной компенсации через

повышение эффективности капиталовложений должно было выразиться в восстановлении темпов роста на прежнем, дореформенном уровне, но не в ускорении роста).

Однако экономическая либерализация связана с демократизацией: авторитарные страны могут выбирать, какими темпами проводить реформы (Китай — постепенные, Вьетнам — шокотерапия), а вот в демократических странах общественность хочет всего и сразу — во всяком случае, более демократические страны были, как правило, и более радикальными в смысле экономических реформ, тогда как примеров демократий, проводивших постепенные реформы, нет. А вот демократизация при слабом правопорядке ведет к подрыву качества институтов, так что получается, что экономическая либерализация часто идет рука об руку с институциональной деградацией.

ПОЧЕМУ ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ ПОДРЫВАЕТ КАЧЕСТВО ИНСТИТУТОВ?

Как обеспечить эффективность институтов при проведении рыночных реформ (либерализации)? Если говорить не о конкретных мерах (которые в принципе известны), а об общем подходе, вопрос неизбежно выходит за рамки экономики — в область политологии. В самом деле, для эффективности государственных институтов, в общем-то, безразлично, поддерживается ли она авторитарным или демократическим режимом: и те, и другие доказали свою принципиальную способность обеспечивать благоприятную институциональную среду для реформ. В то же время известно, что в странах без прочных демократических традиций переход от авторитаризма к демократии сопровождается обычно снижением эффективности институтов: для создания новых, отсутствовавших прежде демократических институтов нужно время, так что переходный период, когда старые авторитарные институты уже разрушены, а новые еще не сложились, оказывается самым институционально необеспеченным.

В политологии демократический режим с сильными институтами называется не просто демократией, а либеральной демократией, причем прилагательное «либеральный» в этом словосочетании не менее важно, чем существительное «демократия». Либерализм означает гарантированность прав личности и экономических агентов, таких как права собственности и исполнения контрактов, права кредиторов и должников, права на защиту жизни и достоинства личности и на справедливое судебное разбирательство. Права эти, разумеется, могут быть обеспечены только сильными институтами, прежде всего государственными, ибо «частной собственности без государства не бывает» [Олсон, 1994, с. 7–12]. Демократия добавляет к этим правам еще несколько — право на свобо-

ду слова и печати, право избирать и быть избранным и т. п. — важные, но не более важные, чем права, заключенные в понятии либерализма.

В соответствии с таким подходом Европа сначала стала либеральной и только потом — демократической. В XIX веке в европейских государствах права личности и фирм были в основном обеспечены, хотя демократическими эти страны назвать было никак нельзя: на рубеже веков менее половины взрослого населения имело право голоса. По тому же пути — от либерализма к демократии — шли (а некоторые все еще идут) и страны Юго-Восточной Азии, добившиеся в минувшие десятилетия впечатляющих экономических успехов. Может быть, наиболее убедительный пример — Гонконг, где британские колониальные власти стали вводить зачатки демократии только накануне передачи территории Китаю (но так и не успели завершить дело), что, однако, не помешало Гонконгу превзойти свою метрополию — родину демократии — по уровню экономического развития.

По другому пути — сначала демократия, потом либерализм — пошли страны Латинской Америки, а затем Африки. Для экономики демократия без либерализма, то есть при слабости институтов, гарантирующих права экономических агентов, оказалась не слишком благоприятной средой — Африка и Латинская Америка в послевоенный период сдавали свои позиции в мировой экономике, отставая по темпам роста ВВП на душу населения. Именно тогда, в послевоенный период, произошло становление так называемых нелиберальных демократий [Zakaria, 1997] как массового феномена (главным образом в Латинской Америке и в Африке, но в других регионах тоже — например, Индия) — в основном демократических режимов, но не имеющих эффективных институтов для защиты либеральных прав.

В 90-е годы к числу нелиберальных демократий добавились многие советские республики и страны Юго-Восточной Европы — со схожими последствиями для экономического развития. Собственно говоря, страны Латинской Америки уже близки к созданию эффективных институтов, судя, скажем, по индексу доверия к органам государственной власти (который примерно такой же, что и в Юго-Восточной Азии и на Ближнем Востоке). А вот Африка и СНГ — пока что весьма далеки — дальше, чем любые другие крупные регионы мировой экономики. Эти последние два региона, в которых либерализация не работает, поэтому не укладываются в рамки традиционной экономической мудрости. В 90-е годы только эти две группы стран продолжали удаляться от западных государств по уровню развития (ВВП на душу населения), и, возможно, эта тенденция сохранится в обозримом будущем, пока не будут созданы эффективные институты, способные превратить нелиберальные демократии в либеральные.

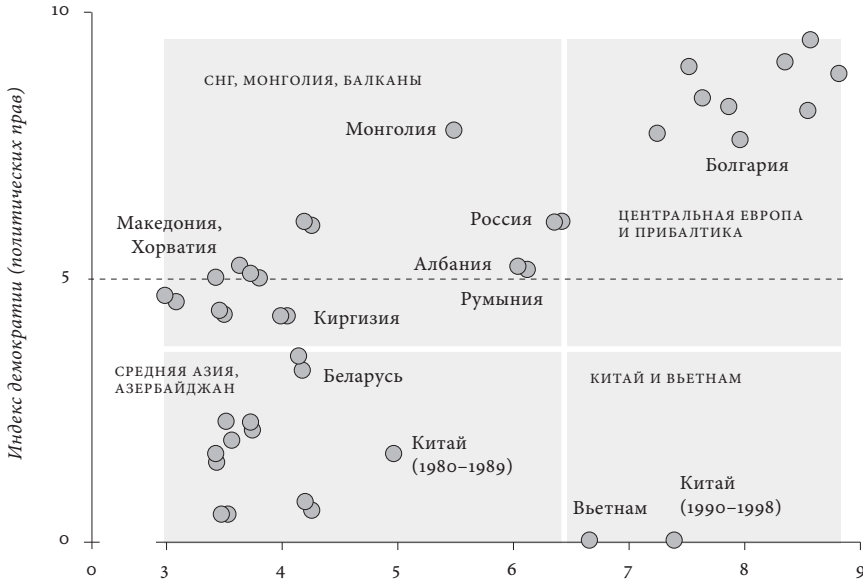

РИС. В.10. Индексы верховенства закона и демократии, калиброванные по 10-балльной шкале (более высокие значения соответствуют более прочному правопорядку и большей демократии)
ИСТОЧНИК: [Campos, 1999]; Freedom House.

Если воспользоваться индексами правопорядка (rule of law — верховенство закона; см.: [Campos, 1999]) в качестве показателя силы институтов (законодательные гарантии прав собственности, контрактов и т. п.) и индексами демократии (политических прав), которые публикуются Freedom House, то можно классифицировать страны так, как это показано на рис. В.10. Авторитарные режимы, включая коммунистические, постепенно укреплявшие либеральные права, но не обеспечивавшие верховенство закона, компенсировали нехватку закона избытком порядка, то есть восполняли институциональный вакуум авторитарными методами. Возникшие в этих странах после демократизации нелиберальные демократии оказались неспособными поддерживать ни «порядок без закона», поскольку утратили прежние авторитарные инструменты, ни порядок на основе закона, поскольку не успели создать новые демократические механизмы, позволяющие гарантировать стандартный набор либеральных прав (верхний левый квадрант на рис. В.10). Неудивительно, что это отрицательным образом сказалось на деловом климате и динамике производства. Авторитарные режимы

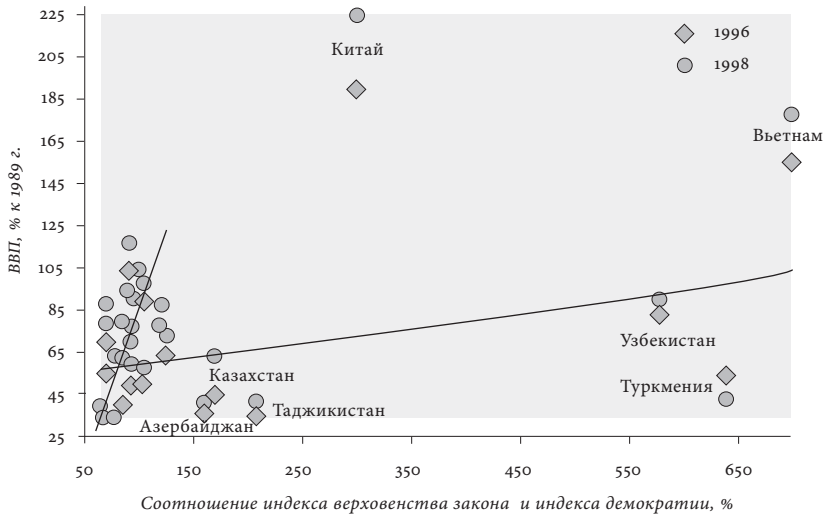

РИС. В.11. Соотношение индекса верховенства закона и индекса демократии и динамика производства в переходный период
 ИСТОЧНИК: International Country Risk Guide — Campos, 1999; Freedom House; EBRD Transition Report за разные годы.

со слабым правопорядком (левый нижний квадрант на рис. В.10) тоже не слишком благоприятны для экономики, но в среднем все-таки лучше, чем демократические.

Как видно из рис. В.11, динамика производства в переходный период явно положительно связана с соотношением двух индексов — верховенства закона и демократии, хотя и форма, и теснота этой положительной связи различны для авторитарных режимов и для демократических. Иначе говоря, демократизация без обеспечения законности и правопорядка на деле, нравится это нам или нет, обычно ведет к значительному спаду производства. Это та цена, которую приходится платить за раннюю политическую демократизацию, то есть за введение процедуры демократических выборов в то время, когда основные либеральные права еще не утвердились в обществе. Отнюдь не случайно наихудшая экономическая динамика наблюдается в странах с неудачным сочетанием слабых институтов (низкий индекс правопорядка) с относительно высоким уровнем демократии (левый верхний квадрант на рис. В.10)⁷.

⁷ Расчеты показывают, что этот вывод верен для всех стран, а не только для посткоммунистических [Полтерович, Попов, 2007; Polterovich, Popov, 2007].

ТАБЛИЦА В.2. Параметры регрессии: изменение ВВП в 1989–1996 гг. в зависимости от стартовых условий, институтов, демократии и правопорядка (все коэффициенты статистически значимы на 5%-м уровне достоверности, за исключением тех, которые заключены в скобки)

Зависимая переменная — логарифм ВВП в 1996 г. в % к 1989 г. (*Log Y96/89*)

Для Китая — все показатели для периода 1979–1986 гг.

Переменные	Уравнение; <i>N</i> — число наблюдений					
	1; <i>N</i> =28	2; <i>N</i> =28	3; <i>N</i> =28	4; <i>N</i> =28	5; <i>N</i> =28	6; <i>N</i> =28
Константа	5,33	5,26	5,26	5,40	5,41	5,50
Диспропорции, % к ВВП* (<i>DIST</i>)	-0,004	-0,004	(-0,003)	-0,006	-0,007	-0,007
ВВП на душу по ППС, % к уровню США в 1987 г. (<i>Ycap87</i>)				-0,007	-0,009	-0,008
Дамми-переменная «война»** (<i>WAR</i>)				-0,19	-0,36	-0,37
Снижение отношения госдоходов к ВВП в период с 1989–1991 гг. по 1993–1996 гг., п.п. (<i>GOVREVdecline</i>)					-0,011	-0,011
Логарифм среднегодовой инфляции в 1990–1995 гг., % (<i>INFL</i>)	-0,19	-0,20	-0,20	-0,17	-0,13	-0,14
Индекс демократии в 1990–1998 гг., % (<i>DEM</i>)	-0,007					
Индекс правопорядка в 1989–1997 гг., % (<i>RULEofLAW</i>)	(0,007)***					
Отношение индекса правопорядка к индексу демократии, %		0,088	0,090	0,060	0,048	0,046
Индекс либерализации в 1995 г.			(0,015)			(-0,018)
Скорректированный R^2 , %	76	79	79	82	88	87

* Диспропорции в плановый период рассчитаны так же, как и на рис. В.4 (Вопросы экономики. 1998. № 7).

** Равняется 1 для Азербайджана, Армении, Хорватии, Грузии, Македонии, Таджикистана и 0 для всех остальных стран.

*** Переменная значима на уровне 14%.

Если включить индексы правопорядка и демократизации в регрессии, объясняющие динамику производства, то они приобретают «правильные» знаки (верховенство закона — положительный, демократизация — отрицательный) и оказываются статистически значимыми, что, кстати сказать, согласуется с результатами, полученными для более многочисленных групп стран. Наилучшие результаты, однако, дает включение в уравнение соотношения двух индексов — верховенства закона и демократии: почти 80% вариаций в динамике производства в переходный период объясняется всего тремя факторами — диспропорциями в структуре производства и внешней торговли накануне переходного периода, инфляцией и упомянутым соотношением (табл. В.2). Интересно, что соотношение «законность/демократия» не заменяет, но дополняет ранее использованный показатель силы институтов — падения доли господоходов в ВВП. Эти два показателя не коррелируют между собой и при одновременном включении в уравнение улучшают тесноту связи до 88% — лучший результат, чем с какой-либо из этих переменных поодиночке. Индекс же либерализации, если его добавить в уравнение, оказывается статистически незначимым и вдобавок имеет отрицательный знак (табл. В.2).

Чтобы проверить устойчивость результатов, был выбран другой год окончания спада — 1998, к концу этого года в 24 странах из 26, переживших трансформационный спад (то есть во всех, кроме Китая и Вьетнама), было достигнуто дно кризиса. Наилучшее регрессионное уравнение для периода 1989–1998 гг. приведено ниже:

$$\begin{aligned} \text{Log}(Y_{98/89}) = & 5.8 - 0,006\text{DIST} - 0,005\text{Ycap87} - 0,39\text{WAR} - 0,01\text{GOVREVdecline} - \\ & \quad \quad \quad (-2.48) \quad \quad \quad (-0.09) \quad \quad \quad (-3.22) \quad \quad \quad (-2.94) \\ & - 0,17\text{INFL} - 0,003\text{DEM}, \\ & \quad \quad \quad (-4.60) \quad \quad \quad (-1.74) \end{aligned}$$

$N = 28$;

скорректированный $R^2 = 82\%$;

T -статистика — в скобках

(все переменные приведены в том же порядке, что и в табл. В.2).

Как видно, R^2 несколько ниже, но статистическая значимость коэффициентов остается высокой (за исключением коэффициента при подушевом ВВП). А показатель уровня либерализации, если его добавить в правую часть, опять-таки оказывается незначимым.

Данный вывод сохраняет силу, даже если рассматривать только страны СНГ: наихудшая экономическая динамика наблюдается в странах с неудачным сочетанием слабых институтов (низкий индекс правопорядка) с относительно высоким уровнем демократии (рис. В.12). И «за-

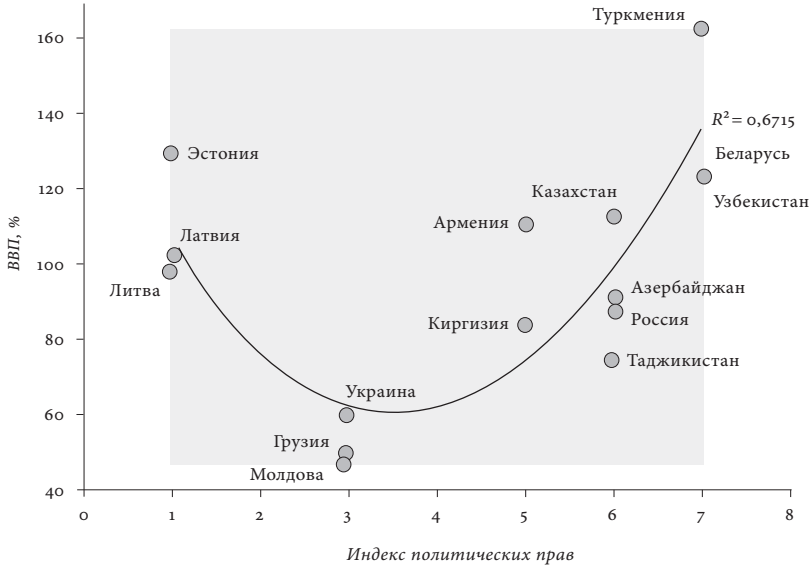

РИС. В.12. ВВП в 2005 г. в % от 1989 г. и индекс политических прав в 2005 г. ИСТОЧНИК: Freedom House; EBRD Transition Report за разные годы.

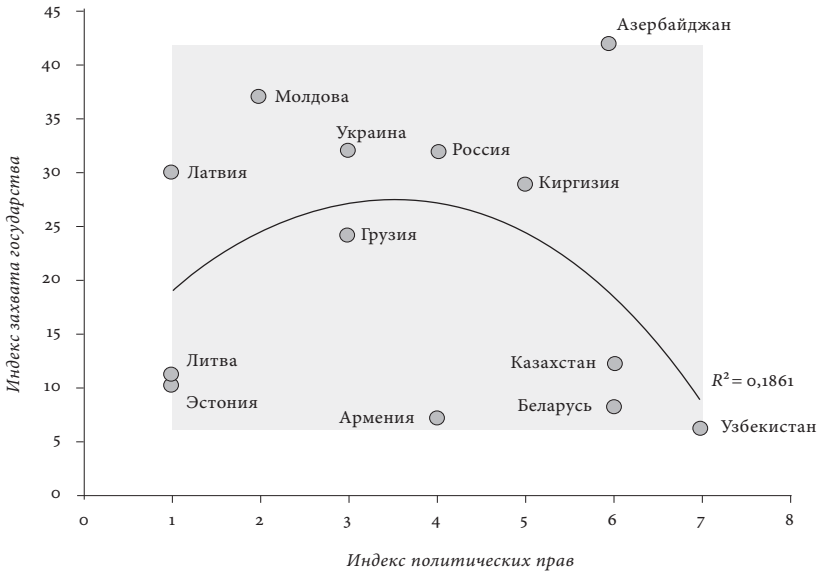

РИС. В.13. Индекс захвата государства и индекс политических прав в 1999 г. ИСТОЧНИК: Freedom House; EBRD Transition Report за разные годы.

хват государства» более выражен в тех же самых странах — наиболее демократических, но со слабыми институтами (рис. В.13). Выходит, что только в Прибалтике демократизация не подорвала институты и не привела к «захвату государства», а в странах СНГ — подорвала и сильно ухудшила экономические показатели.

Есть и еще одна неприятность, связанная с демократизацией при слабых институтах: политическая нестабильность режима, высокая возможность поворота обратно к авторитаризму. Исследования учтойчивости демократии выявили, что возврата к авторитаризму после начальной демократизации чаще удается избежать тем странам, у которых сильны институты и над которыми не тяготеет «ресурсное проклятие», то есть которые импортируют, а не экспортируют ресурсы. Сила институтов может «перетянуть» эффект ресурсов (пример — Норвегия), но если и институты слабы, и страна ориентирована на ресурсный экспорт, то шансов создать стабильную демократию практически никаких. Из числа нефтеэкспортеров к устойчивым демократиям ближе всего подходят Боливия, Венесуэла, Индонезия, Мексика, Эквадор, но только подходят — ни в одной из этих стран индекс политических прав не удержался в последние 10 лет на «твердodemократическом» уровне 1–2 балла. Возникает своего рода «порочный круг»: попытки демократизации при слабых институтах → ухудшение качества институтов → возвращение к авторитаризму [Полтерович, Попов, 2007; Polterovich, Popov, Tonis, 2007; 2009].

Собственно говоря, именно это мы и видим на постсоветском пространстве: только пять бывших советских республик стали к 2005 г. более демократическими, чем в 1991 г., — три прибалтийские республики, Грузия и Молдова. Еще три республики — Армения, Киргизия и Украина — не стали ни более демократическими, ни более авторитарными. А в семи остальных республиках произошло усиление авторитаризма, так что общий счет 7 к 5 при трех «воздержавшихся». Что же касается уровня демократии в 2005 г., то «свободной» (индекс политических прав на уровне 1–2 балла) была только Прибалтика, а все остальные постсоветские страны признавались «несвободными» или «частично свободными» (рис. В.14, В.15).

Киргизия, например, в середине 90-х годов был одной из самых демократических стран на постсоветском пространстве, его фактически поместили на «доску почета» в МВФ и Freedom House и первым из бывших советских республик, даже раньше Эстонии, приняли в ВТО в 1998 г. В итоге коррупция расцвела, как нигде, социальное неравенство и преступность возросли, чуть ли не половина национальной экономики или, точнее, того, что от нее осталось, перешла в руки «семьи», и дело в итоге в 2005 г. закончилось очередной «революцией».

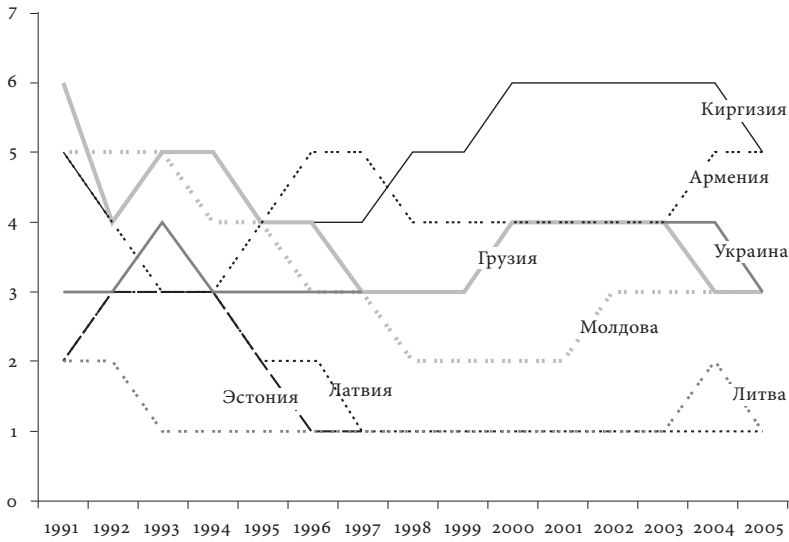

РИС. В.14. Индекс политических прав в республиках бывшего СССР в 1991–2005 гг. (республики, не ставшие более авторитарными)
ИСТОЧНИК: Freedom House.

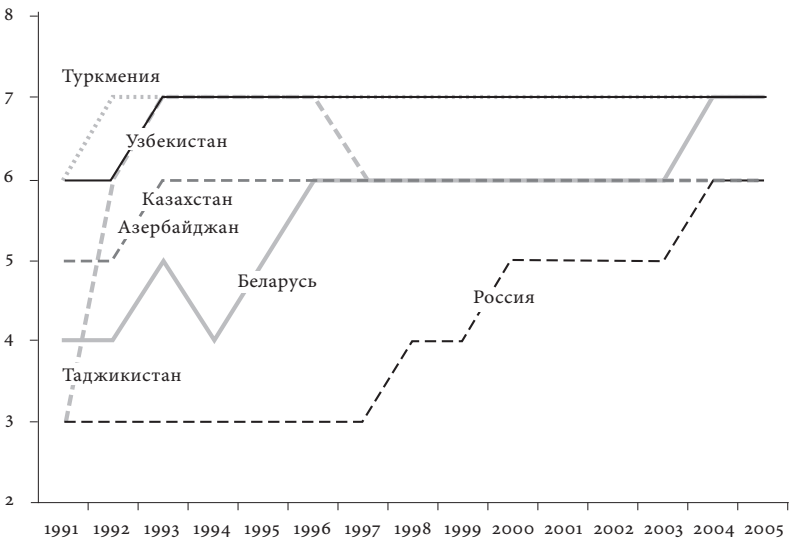

РИС. В.15. Индекс политических прав в республиках бывшего СССР в 1991–2005 гг. (республики, ставшие более авторитарными)
ИСТОЧНИК: Freedom House.

ФАКТОРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ
В ПЕРИОД ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ

Факторы экономической динамики в период экономического восстановления, то есть после того как трансформационный спад завершился, отличаются от факторов трансформационного спада. Во-первых, достигнутый уровень экономической либерализации, похоже, начинает наконец оказывать положительное воздействие на динамику производства, по крайней мере в начальный период восстановления, 1994–1998 гг. (рис. В.16). В последующем уровень либерализации, достигнутый к середине 1990-х годов, становится менее значимым (рис. В.17), но прогресс либерализации (прирост уровня либерализации во время восстановления) положительно сказывается на динамике производства (рис. В.18). Этот результат подтверждается и регрессионным анализом (табл. В.3) — практически во всех спецификациях уравнения, объясняющего динамику производства, прирост уровня либерализации после трансформационного спада, в 1995–2003 гг., оказывает положительное и значимое воздействие, хотя сам уровень либерализации к середине 1990-х годов по большей части оказывается незначимым (за исключением одной спецификации, где воздействие уровня либерализации вообще отрицательно)⁸.

Во-вторых, показатель диспропорций в структуре хозяйства и во внешней торговле накануне переходного периода перестает играть роль в объяснении динамики производства в период восстановления; этот показатель не показан в табл. В.3, так как он незначим ни в одной из спецификаций⁹. Дамми-переменная для стран, переживших военные конфликты, всегда значима, но приобретает положительный знак (в отличие от периода трансформационного спада, когда ее знак был отрицательным), что, видимо, объясняется тем, что страны, пострадавшие от военных конфликтов в первой половине 1990-х годов, быстрее восстанавливали свою разрушенную экономику.

Наконец, в-третьих, показатели институционального потенциала и факторы, их определяющие, продолжают воздействовать на динамику производства в период послекризисного восстановления так же, как и в период трансформационного спада — снижение госдохов в % к ВВП и демократизация отрицательно сказываются на производстве, а правопорядок — положительно.

⁸ Уровень либерализации в 1995 г. сильно коррелирует с приростом либерализации в 1995–2003 гг. (отрицательно), так что включение обоих индексов в правую часть в качестве самостоятельных независимых переменных не оправданно (при включении обоих один из них оказывается незначимым).

⁹ Этот результат получен также и в других работах (см., например: [Роров, 2000; Godoy, Stiglitz, 2004]).

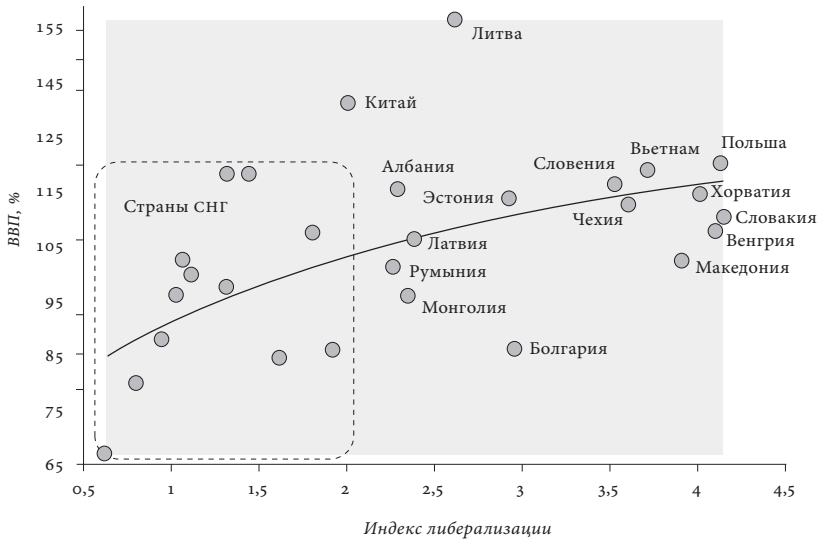

РИС. В.16. Индекс либерализации к 1995 г. и ВВП в 1998 г. (в % к 1994 г.)
 ИСТОЧНИК: EBRD Transition Report за разные годы.

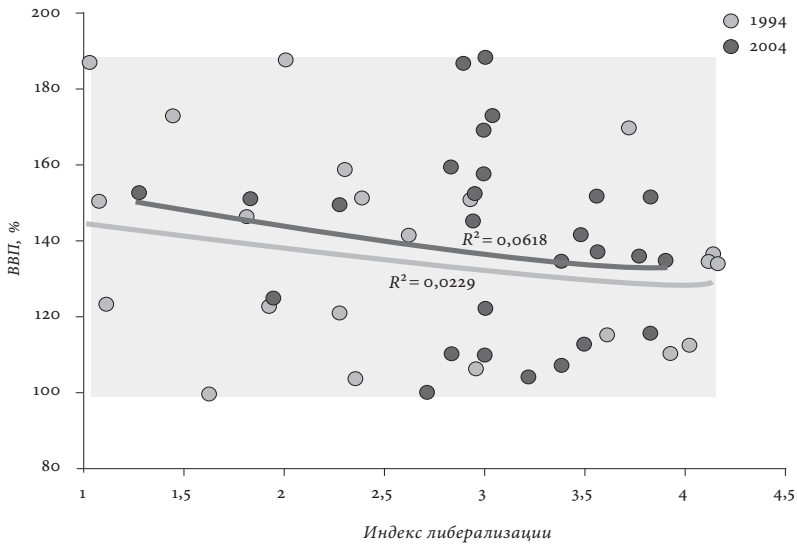

РИС. В.17. Индекс либерализации в 1994 г. и в 2004 г. и ВВП в 2003 г.
 (в % к 1995 г.)
 ИСТОЧНИК: EBRD Transition Report за разные годы.

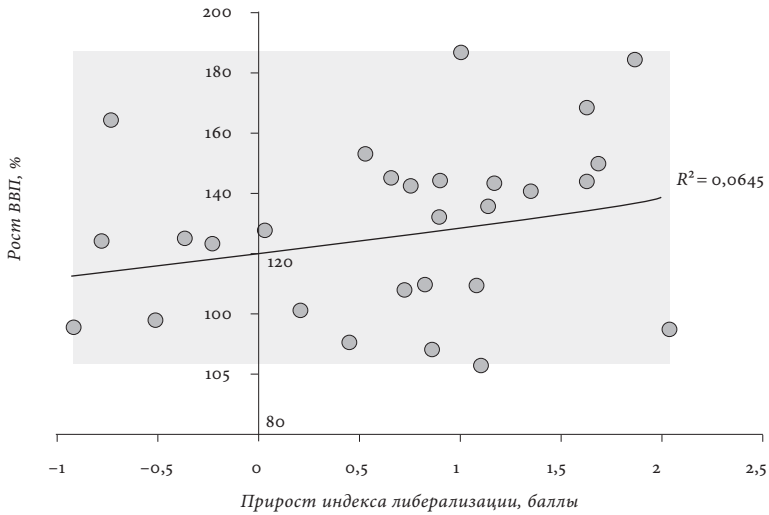

РИС. В.18. Рост индекса либерализации и ВВП в 1995–2003 гг.
ИСТОЧНИК: EBRD Transition Report за разные годы.

Эти результаты хорошо согласуются с интуицией и с предыдущими объяснениями. Во время трансформационного спада сокращение производства определялось в первую очередь масштабами диспропорций в плановой экономике и степенью ослабления институционального потенциала, тогда как уровень либерализации не играл особой роли. Напротив, во время экономического восстановления, после того как неэффективные в новых условиях (при новых соотношениях цен) предприятия были уже закрыты, диспропорции в плановой экономике перестали играть определяющую роль, а повышение степени либерализации экономики, напротив, стало вести к лучшей экономической динамике. При контроле на страновые эффекты с помощью показателя предшествующей динамики производства (в 1989–1996 гг.) получаем, что прирост либерализации и производства в 1995–2003 гг. шли рука об руку. Этот результат полностью согласуется с теорией (выигрыш в эффективности при переходе от плановой экономики к рыночной), но наблюдается только в период восстановления производства, когда трансформационный спад подходит к концу.

Что же касается воздействия институтов на экономическую динамику, то оно одинаково и на стадии спада, и на стадии восстановления. Демократизация в странах со слабым правопорядком ведет к подрыву госинститутов, что, в свою очередь, оказывает подавляющее влияние на производство. Этот механизм ослабления институтов в нелибераль-

ТАБЛИЦА В.3. Параметры регрессии: изменение ВВП в 1995–2003 гг. в зависимости от стартовых условий, институтов, демократии и правопорядка, либерализации
Зависимая переменная — ВВП в 2003 г. в % к 1995 г.

Для Китая — все показатели для периода на 10 лет раньше.

Переменные	Уравнение; N — число наблюдений				
	1; N=28	2; N=28	3; N=28	4; N=28	5; N=28
Константа	105***	91***	99***	78***	99***
ВВП в 1996 г., % к 1989 г.	0,33***	0,45***	0,46***	0,24**	
Дамми-переменная «война»†		22,9**	42,3***	32,0***	19,4*
Индекс либерализации в 1995 г.			-19,9***		
Прирост индекса либерализации в 1995–2003 гг.	15,3***	16,7***		17,6***	17,6***
Снижение отношения доходов к ВВП в период с 1989–1991 гг. по 1993–1996 гг., п.п.				-0,8***	
Индекс правопорядка в 1989–1997 гг., %			0,8**	1,0***	1,2***
Индекс демократии в 1990–1998 гг., %				-0,6***	-0,8***
Коэффициент корреляции R^2 , %	25	38	45	52	55

*, **, *** — значимость на уровне 10, 5 и 1% соответственно.

† Равняется 1 для Азербайджана, Армении, Хорватии, Грузии, Македонии, Таджикистана и 0 для всех остальных стран.

ных демократиях отчасти связан с относительным сокращением размеров государства, отчасти — со снижением эффективности предоставления общественных благ: даже при учете в регрессиях эффекта снижения доходов получается, что воздействие правопорядка на рост положительно, а воздействие демократизации — отрицательно.

Чтобы проверить устойчивость результатов, период восстановления производства был определен иначе — как 1995–2005 гг. В этом случае результаты в принципе не меняются, хотя параметры регрессии даже несколько улучшаются — R^2 и значимость коэффициентов возрастает (табл. В.4).

Если же границы периода восстановления определить как 1998–2005 гг., то показатель изменения ВВП в предшествующий период (1989–1996 гг.)

СТРАТЕГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

ТАБЛИЦА В.4. Параметры регрессии: изменение ВВП в 1995–2005 гг. в зависимости от стартовых условий, институтов, демократии и правопорядка, либерализации
Зависимая переменная — ВВП в 2005 г. в % к 1995 г.
Для Китая — все показатели для периода на 10 лет раньше.

Переменные	Уравнение; <i>N</i> — число наблюдений					
	1; <i>N</i> =28	2; <i>N</i> =28	3; <i>N</i> =28	4; <i>N</i> =28	5; <i>N</i> =28	6; <i>N</i> =28
Константа	114***	90***	113***	150***	74***	102***
ВВП в 1996 г., % к 1989 г.	0,39***	0,59***	0,58***		0,33**	
Дамми-переменная «война»†		38,1***	64,8,4***	41,8**	49,8***	32,5**
Индекс либерализации в 1995 г.			–30,4***	–25,3***		
Прирост индекса либерализации в 1995–2003 гг.	26,0***	28,3***			29,4***	29,4***
Снижение отношения доходов к ВВП в период с 1989–91 гг. по 1993–1996 гг., п.п.				–1,13***		–1,03***
Индекс правопорядка в 1989–1997 гг., %			1,13**	1,86***	1,26***	1,60***
Индекс демократии в 1990–1998 гг., %				–0,70***	–0,73***	–0,99***
Коэффициент корреляции R^2 , %	30	48	52	56	60	63

*, **, *** — значимость на уровне 10, 5 и 1% соответственно.

† Равняется 1 для Азербайджана, Армении, Хорватии, Грузии, Македонии, Таджикистана и 0 для всех остальных стран.

теряет значимость, а значимость дамми-переменной «война» падает до 10%. Пятое уравнение из табл. В.4, например, принимает вид:

$$Y_{98/89} = 118,48 + 17,9WAR - 0,068DEM + 0,82RULEofLAW + 20,95LIBER$$

(6,77) (1,75) (–3,96) (2,44) (4,43)

$N = 28$;

скорректированный $R^2 = 58\%$;

T -статистика — в скобках.

ПРОБЛЕМА ЭНДОГЕННОСТИ

Доказывают ли приведенные выше уравнения, что экономическая динамика при переходе от плановой экономики к рыночной определяется исходными условиями, институциональным потенциалом и макроэкономической политикой, а темпы либерализации вносят свой положительный вклад лишь на стадии восстановления производства, когда неконкурентоспособный сектор уже в основном исчез? Главное возражение против такой трактовки состоит в указании на эндогенность экономической либерализации, то есть на то обстоятельство, что не только динамика производства зависит от темпов либерализации, но и, наоборот, сами темпы либерализации зависят от динамики производства. Если, например, либерализация может привести к падению производства, то естественно ожидать, что рациональное правительство будет откладывать либерализацию «на потом».

Многие авторы указывали на эту проблему эндогенности [Kruger, Ciolko, 1998; Heybey, Murrell, 1999; Denizel, Gelb, De Melo, Tenev, 2001; Godoy, Stiglitz, 2004]. Было, в частности, показано, что гипотеза об эндогенности показателя либерализации не может быть отвергнута (если инструментировать либерализацию через показатель доли экспорта в ВВП накануне переходного периода; см.: [Kruger, Ciolko, 1998]). С. Годой и Дж. Стиглиц исследовали воздействие не экономической либерализации вообще, а только скорости приватизации на экономическую динамику [Godoy, Stiglitz, 2004]: они инструментировали скорость приватизации с помощью показателя диспропорций в структуре экономики и во внешней торговле, рассчитанного в моих статьях [Попов, 1998а; 1998б; Попов, 2000] — чем больше диспропорции, то есть чем больше деформирована экономика, тем больше можно потерять от быстрой приватизации, тем, следовательно, медленнее будет эта приватизация проводиться. Получилось, что при контроле на исходный уровень приватизации (долю частного сектора в ВВП) скорость приватизации оказывала однозначно отрицательное и значимое воздействие на экономическую динамику в 90-е годы¹⁰.

Если эндогенность действительно существует, надо найти инструментальную переменную для либерализации и прибегнуть к двухшаговому методу наименьших квадратов (2SLS — two stage least squares), что как раз и делается далее. Уровень либерализации в 1995 г. сильно коррелирует с диспропорциями (рис. В.19), что заставляет предполагать эндогенность, так как диспропорции, в свою очередь, коррелированы с динами-

¹⁰ Интересно, что такой же результат получается и без инструментирования: чем радикальнее была проведена приватизация на начальном этапе, тем при прочих равных условиях были выше средние потери ВВП за 9 лет реформ [Катышев, Полтерович, 2006].

кой производства. Однако уровень либерализации также коррелирует с индексом демократии (рис. В.20), который не коррелирует с динамикой производства ($R = 5\%$), так что с формальной точки зрения можно инструментировать показатель экономической либерализации с помощью индекса демократии. Это верно также и по существу, так как скорость экономической либерализации была тем выше, чем выше был уровень демократии [EVRD, 1999, chapter 5].

Результаты двухшаговых регрессий (с инструментированием экономической либерализации через уровень демократии) представлены в табл. В.5. Новый результат здесь заключается в том, что знак коэффициента при показателе либерализации теперь становится отрицательным и статистически значимым: чем более была либерализована экономика к 1995 г., тем большим было падение производства в 1989–1996 гг. во время трансформационного спада. Этот результат отличается от предыдущих регрессий, в которых либерализация не инструментировалась (табл. В.1, В.2), но больше согласуется с предложенным в настоящей статье объяснением трансформационного спада: при наличии диспропорций в плановой экономике, то есть при наличии сектора, который становится неконкурентоспособным при дерегулировании цен, быстрые темпы либерализации способствуют более быстрому падению производства в этом теряющем конкурентоспособность секторе.

Если выбрать другой период (1989–1998 гг.), то принципиальных изменений результатов не наблюдается, разве что R^2 и T -статистика несколько ухудшаются. Первое уравнение из табл. В.5 принимает форму:

$$\begin{aligned} \text{Log}(Y_{98/89}) = & 6,76 - 0,41\text{WAR} - 0,01\text{DIST} - 0,02\text{GOVREV} \textit{decline} - 0,23\text{INFL} - \\ & \quad (11.51) \quad (-3.23) \quad (-2.58) \quad (-3.11) \quad (-6.27) \\ & - 0,25\text{LIBER} \\ & \quad (-2.26) \end{aligned}$$

Индекс либерализации в 1995 г. инструментирован с помощью показателя уровня демократии;

$N = 28$;

скорректированный $R^2 = 69\%$;

T -статистика — в скобках.

Третье уравнение из табл. В.5 принимает вид:

$$\begin{aligned} \text{Log}(Y_{98/89}) = & 6,14 - 0,015\text{SHAD} \textit{econ} - 0,23\text{INFL} - 0,21\text{LIBER} \\ & \quad (13.62) \quad (-3.36) \quad (-4.06) \quad (-2.30) \end{aligned}$$

Индекс либерализации в 1995 г. инструментирован с помощью показателя уровня демократии;

$N = 17$;

скорректированный $R^2 = 78\%$;

T -статистика — в скобках.

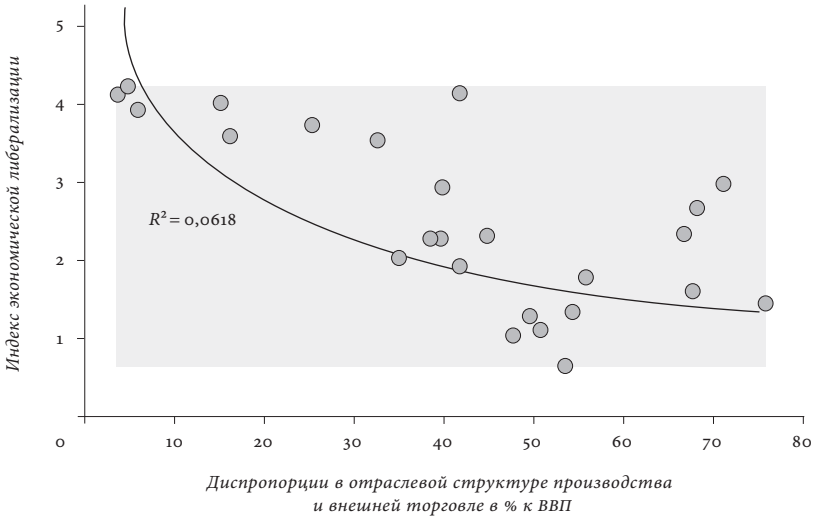

РИС. В.19. Диспропорции в отраслевой структуре производства и во внешней торговле и индекс экономической либерализации в 1995 г.

ИСТОЧНИК: [Попов, 1998а].

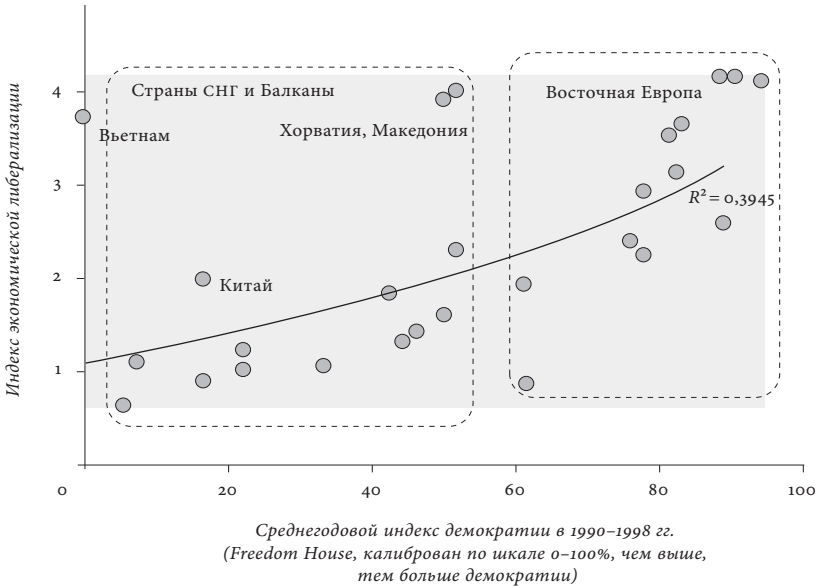

РИС. В.20. Среднегодовой индекс демократии в 1990–1998 гг. и индекс экономической либерализации в 1995 г.

ИСТОЧНИК: Freedom House; EBRD Transition Report за разные годы.

СТРАТЕГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

ТАБЛИЦА В.5. Параметры двухшаговой регрессии: изменение ВВП в 1989–1996 гг. в зависимости от стартовых условий, институтов, правопорядка и либерализации. Зависимая переменная — логарифм ВВП в 1996 г. в % к 1989 г. Для Китая — все показатели для периода 1979–1986 гг. Индекс либерализации в 1995 г. инструментирован с помощью показателя уровня демократии

Переменные	Уравнение; N — число наблюдений			
	1; N=28	2; N=28	3; N=17	4; N=17
Константа	6,4***	6,3***	6,0***	6,0***
Диспропорции, % к ВВП ^а	–0,01***	–0,02***		–0,004
ВВП на душу по ППС, % к уровню США в 1987 г.	–0,007**	–0,01***		
Дамми-переменная «война» ^б	–0,45***	–0,29 ^в		
Индекс либерализации в 1995 г. (<i>LIBER</i>)	–0,18**	–0,39*	–0,19***	–0,19***
Снижение отношения госдоходов к ВВП в период с 1989–1991 гг. по 1993–1996 гг., п.п.	–0,02***	–0,02***		
Логарифм среднегодовой инфляции в 1990–1995 гг., %	–1,7***	–0,22***	–0,22***	–0,19***
Индекс правопорядка в 1989–1997 гг., %		–0,01 ^г		
Увеличение доли теневой экономики, % к ВВП в 1989–1994 гг. (<i>SHADecon</i>)			–0,02***	–0,015***
Скорректированный R ² , %	86	77	88	90

*, **, *** — значимость на уровне 10, 5 и 1% соответственно.

^а Диспропорции в плановый период рассчитаны так же, как и на рис. В.4 (Вопросы экономики. 1998. № 7).

^б Равняется 1 для Азербайджана, Армении, Хорватии, Грузии, Македонии, Таджикистана и 0 для всех остальных стран.

^в Переменная значима на уровне 12%.

^г Переменная значима на уровне 16%.

При добавлении показателя диспропорций в последнее уравнение он оказывается незначимым (причем чем продолжительнее период после 1989 г., тем более незначим показатель диспропорций). Однако показатель, характеризующий сокращение госдоходов в % к ВВП в начале 90-х годов, оказывается значимым даже наряду с показателем теневой экономики:

$$\text{Log}(Y98/89) = 6,02 - 0,012\text{SHADecon} - 0,014\text{GOVREVdecline} - 0,21\text{INFL} - 0,18\text{LIBER}$$

(14,94) (-2,95) (-1,75) (-3,93) (-2,21)

Индекс либерализации в 1995 г. инструментирован с помощью показателя уровня демократии;

$N=17$;

скорректированный $R^2=87\%$;

T -статистика — в скобках.

Напротив, для периода экономического восстановления инструментирование показателя либерализации не приводит к качественно новым результатам, но только усиливает выводы, полученные ранее. В данном случае требуется инструментировать не уровень либерализации в 1995 г., а прирост этого уровня в период восстановления, так как сам уровень 1995 г. выступает теперь просто в качестве одного из начальных условий.

Два показателя являются хорошими кандидатами в инструментальные переменные — дамми «членство в бывшем СССР» (*FSU*) и уровень либерализации в 1995 г. (*LIBER95*). Оба показателя сильно коррелированы с инструментлируемой переменной — приростом либерализации в 1995–2003 гг. (R равен 0,76 и –0,86 соответственно), но слабо коррелированы с изменением ВВП в 1995–2003 гг. (R равен 0,24 и 0,28 соответственно), так что могут быть использованы в качестве инструментов. Экономическая интерпретация зависимости прироста либерализации в 1995–2003 гг. от членства в СССР и достигнутого уровня либерализации в 1995 г. вполне логична: страны бывшего СССР либерализовывали свои экономики изначально медленнее, чем страны Восточной Европы, так что основной прирост либерализации в странах бывшего СССР пришелся не на начало переходного периода (1989–1995 гг.), а на более позднее время (1995–2003 гг.) кроме того, чем выше был уровень либерализации в 1995 г., тем меньше «места» оставалось для последующей либерализации, так что зависимость прироста либерализации в 1995–2003 гг. от достигнутого уровня в 1995 г., как и ожидалось, отрицательная. Результаты регрессий для периода восстановления с инструментированием показателя либерализации приведены в табл. В.6 и В.7 для трех периодов — 1995–2003 гг., 1995–2005 гг. и 1998–2005 гг. Они не отличаются сильно ни друг от друга, ни от результатов без инструментирования (табл. В.3, В.4): коэффициенты при инструментированном показателе прироста либерализации на самом деле даже выше, чем при неинструментированном, а статистическая значимость этих коэффициентов не меняется.

Для периодов 1995–2005 гг. и 1998–2005 гг. R^2 и T -статистика в целом лучше даже без контроля на масштабы предшествующего падения производства в 1989–1996 гг. (во время трансформационного спада) — эта переменная становится статистически незначимой. Для пе-

СТРАТЕГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

ТАБЛИЦА В.6. Параметры двухшаговой регрессии: изменение ВВП в 1995–2003 гг. в зависимости от стартовых условий, институтов, правопорядка, демократии и либерализации
Зависимая переменная — ВВП в 2003 г. в % к 1995 г.

Для Китая — все показатели для периода 1979–1986 гг.

Переменные	Уравнение; N — число наблюдений			
	1; N=28	2; N=28	3; N=17	4; N=17
Инструменты для прироста либерализации в 1995–2003 гг.	<i>LIBER95</i>	<i>FSU</i>	<i>LIBER95</i> и <i>FSU</i>	<i>LIBER95</i> и <i>FSU</i>
Константа	97,8***	95,8***	97,7***	79,5***
ВВП в 1996 г., % к 1989 г.				0,18*
Дамми-переменная «война» ^а	19,5*	19,8**	19,5*	25,0**
Прирост индекса либерализации в 1995–2003 гг.	18,2***	19,2**	18,3***	22,9***
Снижение отношения госдоходов к ВВП в период с 1989–1991 гг. по 1993–1996 гг., п.п.	–0,76***	–0,78**	–0,76***	–0,65***
Индекс правопорядка в 1989–1997 гг., %	1,24***	1,28***	1,25***	1,13***
Индекс демократии в 1990–1998 гг., %	–0,76***	–0,76***	–0,76***	–0,62***
Коэффициент корреляции R^2 , %	55	54	55	56

*, **, *** — значимость на уровне 10, 5 и 1% соответственно.

^а Равняется 1 для Азербайджана, Армении, Хорватии, Грузии, Македонии, Таджикистана и 0 для всех остальных стран.

риода 1998–2005 гг. переменная, характеризующая падение госдоходов, тоже становится незначимой, а значимость дамми-переменной «война» снижается с 5 до 10% в большинстве регрессий.

Подведем итоги. Инструментирование показателя либерализации дает новые результаты для стадии трансформационного спада, но не для стадии экономического восстановления. Это отрицательное и значимое воздействие «запаса либерализации», накопленного к 1995 г. (этот «запас» фактически является суммой приростов либерализации за 1989–1995 гг.), на экономическую динамику как раз и требует объяснения. Ведь отрицательное воздействие «запаса либерализации» на экономическую динамику обнаруживается только при инструментировании показателя либерализации с помощью показателя уровня демократии, а без инструментирования его воздействие оказывается незначимым.

ТАБЛИЦА В.7. Параметры двухшаговой регрессии: изменение ВВП в 1995–2005 гг. и в 1998–2005 гг. в зависимости от стартовых условий, институтов, правопорядка, демократии и либерализации
Для Китая — все показатели для периода 1979–1986 гг.

Переменные	Зависимая переменная					
	ВВП в 2005 г., % к 1995 г.			ВВП в 2005 г., % к 1998 г.		
	Уравнение; <i>N</i> — число наблюдений					
	1; <i>N</i> =28	2; <i>N</i> =28	3; <i>N</i> = 28	4; <i>N</i> =28	5; <i>N</i> =28	6; <i>N</i> =28
Инструменты для прироста либерализации в 1995–2003 гг.	<i>LIBER95</i>	<i>FSU</i>	<i>LIBER95</i> и <i>FSU</i>	<i>LIBER95</i>	<i>FSU</i>	<i>LIBER95</i> и <i>FSU</i>
Константа	101,2***	98,6***	101,1***	112,8***	115,1***	112,9***
ВВП в 1996 г., % к 1989 г.	32,6**	32,9**	32,6**	19,3*	18,7*	19,3*
Дамми-переменная «война» ^а	29,8***	31,2***	29,9***	23,3***	22,4***	23,3***
Снижение отношения госдоходов к ВВП в период с 1989–1991 гг. по 1993–1996 гг., п.п.	-1,03***	1,06***	-0,1,03***			
Индекс правопорядка в 1989–1997 гг., %	1,61***	1,65***	1,61***	0,90***	0,87***	0,90***
Индекс демократии в 1990–1998 гг., %	-0,99***	-1,00***	-0,99***	-0,70***	-0,69***	-0,70***
Коэффициент корреляции <i>R</i> ² , %	63	63	63	63	64	63

*, **, *** — значимость на уровне 10, 5 и 1% соответственно.

^а Равняется 1 для Азербайджана, Армении, Хорватии, Грузии, Македонии, Таджикистана и 0 для всех остальных стран.

Интерпретация этих зависимостей, видимо, такова: темп экономической либерализации определяется, во-первых, степенью демократизации — он выше в более демократических странах (собственно говоря, систему двойных цен — *dual track price system* — удалось поддерживать в течение продолжительного времени только в авторитарном Китае и больше нигде), и, во-вторых, масштабами диспропорций, накопленных к концу

планового периода (большой размер неконкурентоспособного сектора заставляет творцов экономической политики тормозить либерализацию, откладывая ее «на потом» из-за боязни усугубить спад производства). Но демократизация толкает либерализацию вперед, так что в странах с большими диспропорциями объем выпуска падает — в той мере, в какой либерализация определяется эндогенно (то есть демократизацией), она оказывает отрицательное и значимое влияние на выпуск. «Остаточная либерализация» (остаток из регрессии либерализации на уровень демократии) оказывает незначимое воздействие на динамику производства. Включение этой «остаточной либерализации» в правую часть наряду с «детерминированной либерализацией» фактически эквивалентно включению фактической либерализации и уровня демократии в регрессии из табл. В.1 — демократия оказывает негативное воздействие, а либерализация незначима. Однако, учитывая, что демократия влияет на темпы либерализации, получается, что ее воздействие на динамику производства на первом этапе — когда в экономике еще есть большой неконкурентоспособный сектор — отрицательно. Скорость перемещения ресурсов из неконкурентоспособного в конкурентоспособный сектор не бесконечна, она ограничена инвестиционными возможностями экономики. Так что когда быстрая либерализация вызывает необходимость такой структурной перестройки, масштабы которой превышают инвестиционный потенциал, рост производства в прибыльных отраслях недостаточен для компенсации его падения в неприбыльных. Наступает типичный структурный кризис, вызванный смещением кривой предложения влево — вверх из-за роста издержек на структурную перестройку (*adverse supply shock*).

ВЫВОДЫ

Различия в экономической динамике в странах с переходной экономикой определяются в первом приближении неодинаковыми исходными условиями — масштабами диспропорций в плановой экономике (накануне перехода к рынку), которые как раз и показывают относительные размеры того сектора экономики, которому суждено стать неконкурентоспособным при изменении ценовых соотношений. Чем больше эти диспропорции (милитаризация экономики, чрезмерная индустриализация в ущерб развитию сферы услуг, низкий уровень международной торговли и неестественная, не соответствующая рыночным ценам структура международной торговли), тем больше падение производства во время трансформационного спада, вызванного быстрым дерегулированием цен. Чем выше уровень развития и капиталоемкость экономики при переходе к рынку, то есть чем более материализованы эти диспропорции в основном капитале, тем больше инвестиций требуется, чтобы их преодолеть.

Еще один ключевой фактор, определяющий динамику ВВП при переходе к рынку, — сила институтов, главным образом государственных, то есть способность государства гарантировать контракты и права собственности, правопорядок в целом. Как свидетельствуют расчеты, в странах, где порядок поддерживался не на основе закона, переход к демократии привел к подрыву институтов: к росту преступности и теневой экономики, снижению количества и качества общественных благ, предоставляемых государством. Возникли нелиберальные демократии, в которых инвестиционный климат ухудшился с соответствующими последствиями для динамики производства. Авторитарные же режимы в условиях слабого правопорядка оказались более способными предотвратить развал институтов при переходе к рынку, чем демократические.

Темпы либерализации в начале переходного периода оказывают отрицательное воздействие на динамику производства — масштабы трансформационного спада, сутью которого является падение производства в отраслях, которые становятся неконкурентоспособными при новых соотношениях цен (после их дерегулирования), зависят от темпов либерализации (больше либерализация — больше спад). Однако после завершения трансформационного спада, при переходе к экономическому восстановлению, либерализация начинает оказывать положительное воздействие на рост, тогда как воздействие на рост масштабов диспропорций в отраслевой структуре и во внешней торговле, напротив, исчезает. Институты, однако, оказываются важными для экономической динамики и в период спада, и в период восстановления производства. Ответственная макроэкономическая политика также оказывается важным условием благоприятной экономической динамики и на стадии спада, и на стадии роста.

Специфические комбинации перечисленных факторов хорошо объясняют различия в динамике производства во всех переходных экономиках, но только с одной оговоркой: исключительно быстрый рост Китая не вполне укладывается в изложенную схему. Да, Китай не только имел благоприятные стартовые условия (относительно низкие диспропорции и, главное, низкую степень материализации этих диспропорций в основном капитале), но и сумел сохранить работающие госинституты и проводил разумную макроэкономическую политику. Но даже при учете этих факторов оказывается, что китайская экономика росла быстрее, чем «должна была бы» согласно регрессионным уравнениям. Дополнительный фактор исключительно быстрого китайского роста, как представляется, экспортноориентированная промышленная политика, проводимая главным образом с помощью политики искусственного занижения валютного курса через накопление валютных резервов [Попов, 2002; Polterovich, Popov, 2004].

Научное издание
Серия «Экономическая теория»

ВЛАДИМИР ПОПОВ
СТРАТЕГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ

Главный редактор
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ
Заведующая книжной редакцией
ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА
Редактор
АЛЕКСЕЙ АППОЛОНОВ
Художник
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ
Верстка
СЕРГЕЙ ЗИНОВЬЕВ
Корректор
ЕЛЕНА МАКЕЕВА

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
125319, Москва, Кочновский проезд, д. 3
Тел./факс: (495) 772-95-71

Подписано в печать 06.12.2010. Формат 70×100/16
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 27,1. Уч.-изд. л. 20,9
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Изд. № 1264. Заказ №

Отпечатано в ГУП ППП «Типография „Наука“»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN: 978-5759808176

9 785759 808176